

Лидия Чарская

Газават

Лидия Чарская

Газават

«Public Domain»

1906

Чарская Л. А.

Газават / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1906

Персонажи повести Л. Чарской «Газават» – молодой русский офицер, его друг – сын вождя восставших горцев, привязавшийся к России и полюбивший русских, юная страдальица, попавшая в плен к горцам, свирепый и жестокий воин-мюрид, добрая сострадательная чеченка и многие другие – это большей частью лица исторические. Все они группируются вокруг знаменитого вождя кавказских мюридов Шамиля – предводителя в многолетней борьбе горцев за веру и свободу.

© Чарская Л. А., 1906

© Public Domain, 1906

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лидия Алексеевна Чарская

Газават

Часть первая

ЗАЛОЖНИК

Глава I

Предсказание Фатимы

– Ля-иллях-иль-Алла! – звучит протяжно-заунывный призыв с высоты башни мусульманского храма.

– Ля-иллях-иль-Алла! – вторит ему эхо недоступных горных стремнин и глубокие темные бездны.

– Ля-иллях-иль-Алла! – снова выкрикивает высокий, бронзовый от загара старик в белой одежде, медленно поворачиваясь лицом к востоку и, помолчав немного, добавляет тем же певучим, гнусавым голосом:

– Магомет-рассуль-Алла!

Это мусульманский священник[– мулла, призывающий правоверных к обычной утренней молитве.

Солнце медленно и плавно поднялось над горизонтом и, брызнув целым потоком лучей, окрасило пурпуром и мечеть, и аул с его крошечными хижинами – саклями – в виде ласточкиных гнезд, прикрепленных к вершинам огромной недоступной скалы. Утро начиналось. Аул оживился.

Плоские кровли саклей стали покрываться молящимися. Один за другим спешили правоверные – как называют себя мусульмане – совершать утреннюю молитву – сабах-намаз. Быстро совершив обычное омовение, они расстилают небольшие коврики, так называемые намазники, и, примостившись на них, шепчут молитвы. Лица их повернуты к востоку – так как на востоке находится священный город Мекка, где родился и умер Магомет, святой пророк мусульман, основатель их веры. И, приступая к молитве, они повторяют те же слова, которыми мулла призывал прежде всего к намазу: «Ля-иллях-иль-Алла, Магомет-рассуль-Алла!» – «Нет Бога, кроме Единого Бога и Магомета – пророка его!» – слова, составляющие основу мусульманской религии.

Из внутреннего двора сакли или, вернее, нескольких саклей, соединенных между собою крытыми галереями, обнесенных каменной стеною и носивших громкое название сераля, то есть дворца, вышла небольшая толпа женщин. Некоторые из них укутаны чадрами или покрывалами, плотно охватывающими весь стан и голову и имеющими лишь маленькие отверстия для глаз. Это замужние: по закону Магомета они не имеют права открывать лица вне дома и при мужчинах. Рядом с ними, держась немного поодаль, следуют девушки, с открытыми лицами, с длинными черными косами, перевитыми золочеными и металлическими бляхами, в то время как у женщин даже волосы скрыты под чадрой.

Двое из женщин, шедших впереди, одеты наряднее остальных, и держатся они как-то особняком от толпы. Прочие, следуя за ними на почтительном расстоянии, несут на своих сильных плечах глиняные кувшины. Впереди женщин бегут два мальчика, одетые в длиннополые кафтаны, обшитые галунами и перетянутые поясами серебряной чеканки с чернью. За

пояса заткнуты маленькие кинжалы. В блестящих, пришитых на груди патронниках заложены патроны. На бритых, по горскому обычаю, головенках – мохнатые папахи из белого барана.

Один из мальчиков выше и стройнее. У него красивое, тонкое личико, прямой, точеный нос и черные глаза, сияющие искренностью и добротой. Другой – рыжеватый и плотный, с лицом, исполненным лукавства, далеко уступает первому в стройности и красоте лица и фигуры. И все-таки и черненький и рыжий мальчики похожи друг на друга как два родных брата. Они и есть братья, сыновья великого имама, вождя, первосвященника и полновластного повелителя горцев, от одного слова которого зависит жизнь тысяч преданных ему воинов. С мальчиками – жена и сестра имама – их мать и тетка и целая толпа караваш, то есть служанок.

Маленькое шествие не вышло на улицу, а боковым ходом, проложенным между пристройками, окружавшими дворец имама, стало спускаться по уступам к пропасти. Прыгая с утеса на утес и скользя по горным тропинкам, с чрезвычайной ловкостью минуя валуны и камни, они достигли наконец дна пропасти, где бешено металась, ревела и стонала пенящаяся река Койсу.

Шедшие впереди женщины уселись над крутым отвесом реки и отбросили с лиц покрывала.

Одна из них, черноокая стройная красавица лет двадцати трех, с наслаждением вдыхала свежий горный воздух и с детски беспечной улыбкой смотрела на небо. Другая, тоже еще далеко не старая горянка, была бы не менее красива, нежели ее спутница, если бы не выражение глубокой печали, смешанной с озлоблением. Не искажало ее исхудалых черт. Первая из них – постарше – была жена имама и носила имя Патимат; вторая – ее золовка по имени Фатима – была женою Хасбулата бека, одного из старших начальников-наибов и приближенных имама.

Обитательницы двора имама не имеют права выходить на улицу и показываться на глаза народу, но сегодня они нарушили дворцовый обычай: зная, что их повелитель находится в храме джамии, на священном таинстве, они решили воспользоваться случайной свободой. Их служанки отошли в сторону, чтобы наполнить кувшины гремучею струею потока. Мальчики тоже занялись между собою, бросая мелкие камешки в Койсу и веселыми звонкими голосами будя утреннюю тишину.

Патимат, оставшись наедине с золовкой, по-прежнему мечтала, не отрываясь глазами от неба.

«Слава Аллаху, хорошо здесь! – думала она. – Правда, далеко не так хорошо, как в родных Гимрах, а все-таки лучше и привольнее, нежели в духоте сераля... Гимры! Далек они! Родные Гимры, дорогой аул, взятый и сожженный русскими, где она выросла и расцвела на воле, откуда шла замуж. Тут все так пусто и уныло; там все покрыто нежной растительностью... Там и чинары, и дубы, и каштаны растут в изобилии... А в мае цветут куполообразные миндальные деревья и раины, кроваво-красные цветы граната мелькают там и сям среди пушистой зелени ветвей; белые азалии и голубоватые очи горных цветов красиво ласкают глаз... Здесь, в этом мрачном Ахульго, ничего этого нет...»

Далеко уже не радостно взглянула она на повисшие отвесно над бездной скалы и, глядя на укрепленные бойницы башен, вдруг улыбнулась лукаво и самодовольно.

«Зато здесь они в безопасности – и великий имам, и она, и дети! Сюда врагам-русским не пробраться. Недоступен для них Ахульго. Обо всем позаботились защитники-горцы. Одна Сурхаева башня, что на берегу Койсу, против старого замка, способна навести страх. Пусть разгораются у них очи, у проклятых гяуров¹ как у диких шакалов на добычу, а Ахульго не брать им, не брать!» И она рассмеялась по-детски заразительно и звонко. Потом вдруг сразу осеклась, неожиданно встретив на себе взгляд золовки, весь исполненный мрачного отчаяния и тоски.

---

¹ Иноверцев, русских.

Что-то больно кольнуло в самое сердце Патимат... «Ну можно ли радоваться и смеяться, когда рядом с нею такое беспредельное горе?»

В два прыжка она очутилась подле золовки и, обняв ее и заглядывая ей в глаза, залепетала ласково и сердечно:

– Фатима-джаным² бедная ласточка горных ущелий, не тоскуй! Я знаю, о чем ты горюешь... Судьба сына твоего Гамзата мучает тебя. Ты страдаешь потому, что его отдали русским в аманаты, в заложники. Они, как победители, потребовали, чтобы имам послал им своих близких родственников в обеспечение, что не будет воевать с ними больше. Что было делать? Пришлось согласиться – и отдать им вместе с другими твоего Гамзата... Но успокойся: и твой Гамзат, и племянник Кибит-Магомы в безопасности у гяуров. Ведь русский саиб,³ приехавший за ними, чтобы взять их в заложники, поклялся головою, что мальчики будут живы...

– Поклялся головою, говоришь ты! – прервала невестку с бешенством Фатима, и глаза ее вспыхнули, как у волчицы. – Разве ты не знаешь, что клятва гяура – пустой звон горного потока, а голова его, которою он поклялся, не значительнее головы глупого ишака.⁴ Нет, чует мое материнское сердце, что нет в живых моего Гамзата, света очей моих, моего азиса,⁵ и что черный Азраил⁶ вычеркнул его имя из книги жизни... Четыре года прошли со взятия русскими Тилетля, четыре года с той минуты, когда его отняли у меня, а душа моя все тоскует и плачет, как горная орлица по выпавшем из гнезда птенце...

– Успокойся, сестра моя Фатима-джаным! Придет время, разобьет наш великий имам полчища русских и выручит твоего Гамзата. Постой, вот придут они под Ахульго, шашками и кинжалами встретят их наши орлы; нечистой их кровью зальют они утесы и горы, и русский сардар,⁷ выкинув белый флаг, будет просить мира и тогда...

– Нет! Нет! – прервала ее глухим голосом Фатима и страшным блеском загорелись ее черные глаза. – Придут русские и возьмут Ахульго, как взяли Гимры, как взяли Тилетль и как, не далее двух недель, взяли Аргуань... Ведь и он казался недоступным, и вокруг него высились горы, и он также стоял на недосыгаемой вершине! Эти шайтаны⁸ урусы⁹ обладают силою льва и быстротою молнии... Они налетают как коршуны и побеждают наших горцев... И теперь они придут со своими железными пушками и...

– Кесь-кесь, дели!¹⁰ Темные джины бездны¹¹ смущают твою душу! – в ужасе прошептала обезумевшая от страха Патимат. – Горе омрачило твой рассудок! Молчи, именем Аллаха заклинаю тебя!

Но Фатима уже не помнила себя; вся охваченная своим мрачным предчувствием, она стояла теперь, выпрямившись во весь свой стройный рост, и глаза ее горели диким пламенем.

– Придут урусы, – говорила она глухим голосом, не обращая ни малейшего внимания на страх невестки, – придут, и горы вздрогнут от основания до вершины... И сердце гордого имама обагрится кровью; он почует свое бессилие пред могучим врагом. Будет час, и он заплачет кровавыми слезами, когда из-под крыла орла отторгнут его орленка!.. Гамзата отнял он у матери и отдал русским в заложники; придет время, когда одного из собственных его птенцов постигнет та же участь...

---

² Душа моя.

³ Офицер.

⁴ Оsla.

⁵ Милого.

⁶ Ангел смерти.

⁷ Главнокомандующий.

⁸ Дьяволы.

⁹ Русские.

¹⁰ Молчи, молчи, безумная.

¹¹ Злые духи.

– Молчи! – с новым отчаянием и мукой вырвалось из груди Патимат. – Твой язык зловещ, как каркающая ворона, потому что сердце твое полно злобы на имама за сына. Шайтан говорит твоими устами... Но сила шайтана ломается о непреклонную волю Аллаха! Мой Джемалэддин останется при мне. Я никому не отдам моего орленка!..

И с криком, исполненным любви, ярости и страха, молодая женщина кинулась к сыну.

Глава 2

Джемалэддин. Гяуры

– О мой азис! О мой белый розан из цветущих аварских ущелий! О золотое счастье моих очей! – лепечет вне себя от любви и гордости Патимат, обнимая своего мальчика.

Джемалэддин не ожидал ничего подобного. Он только что собрался запустить камешком в Койсу, как неожиданно попал в объятия матери. Ему и хорошо и стыдно у нее на груди. Хорошо – потому что он больше неба и гор, солнца и родины любит ее – свою красавицу-мать... Любит за ее нежность и доброту, любит за те чудные песни, которые она ему пела в дни детства, сидя над его колыбелью... Но стыдно ему прижаться к ней и сказать ей это. Ведь он будущий джигит,¹² абрек, а может быть, и кадий¹³ или даже имам – вождь народа, могучий и смелый, как его отец. Недаром же он проходит все нужные для этого премудрости, изучает в мечети все книги корана, заучивает все молитвы, старается вникнуть во все тайны веры. К науке его тянет больше, чем к битвам. Только он еще никому не говорит об этом... Узнают – засмеют... Цель горца – война... Какой же он будет джигит, если вместо кинжала и пашки возьмет в свои руки книгу? А может быть, на поприще ученого он также сумеет заслужить уважение своего народа к себе?... То или другое – одинаково почетно среди горцев. Все равно! А вот что его, будущего воина или ученого, целует, как самого крошечного ребенка, женщина, мать – вот уж это харам.¹⁴ Еще, не приведи Аллах, увидит Кази-Магома и расскажет в ауле, и сыновья наибо, их кунаки¹⁵ подымут его на смех...

И он, стыдливо уклоняясь от ласки матери, говорит ей, напрасно стараясь сделать свой нежный голосок резким и твердым, как у взрослых:

– Ступай, мать, тетка Фатима скучает!

А у самого глазенки так и светятся лаской.

Патимат не обижена нисколько. О, она отлично понимает его: он будущий джигит, мужчина, не может же он быть пришитым к суконной поле ее бешмета! Она приласкала его, и довольно. Теперь на душе ее так же мирно, как в саду Аллаха. Он с нею, ее первенец, ее орленок, ее белый кречет! О, пусть себе каркает эта безумная Фатима, сколько ей угодно, она ничего не боится теперь. Аллах сохранит ей ее сына; она не отдаст его никому. Она до безумия любит его... Никого, никого, ни мужа, ни Кази-Магому, ее второго ребенка, она не может так любить и лелеять!.. Все ее сердце от края до края заполнил сплошь этот черноглазый мальчик с огненным взором и ласковой душой...

А черноглазый мальчик уже подле брата.

– Зачем подходила к тебе мать? – спрашивает его тот лукаво.

Хотя Кази-Магоме только шесть лет, но он понимает больше, чем следует ребенку. Заносчивый и хитрый, он лукав, как кошка, и труслив, как горный олень.

Но Джемалэддин и не слышит вопроса. Все его внимание привлечено любопытным зрелищем. На соседнем утесе бьется что-то круглое и мохнатое, испуская жалобные крики.

В три прыжка достигнуть утеса, вскарабкаться на него и узнать, что это такое, – для мальчиков дело одной минуты.

Кричащее, распростертое существо не что иное, как орленок, выпавший из гнезда...

Алая струйка крови вытекает из пораненного при падении крыла и струится по камням, оставляя кровавый след на утесе.

---

¹² Наездник.

¹³ Верховный судья из духовных.

¹⁴ Позорно, стыдно.

¹⁵ Друзья.

Оба мальчика быстро склонились над несчастной птицей и, затаив дыхание, смотрят на нее. И вдруг Кази-Магома, протянув руки, неожиданно схватывает за лапу орленка.

– Что ты хочешь делать? – недоумевая, спрашивает его Джемалэддин.

– Хочу играть в гяура! – со смехом отвечает ему брат. – Пусть это будет раненый урус. – И с этими словами он, извернувшись, как кошка, припал к земле и, заглядывая в самые глаза орленку, стал медленно выворачивать ему когти, отрывая их и приговаривая каким-то свистящим голосом, прерывавшимся от волнения и дикой радости: – Яхши! Яхши! Это ты, который уничтожаешь наши пастбища и сады, сжигаешь наши посевы и аулы. Так вот же тебе! – И он с дьявольской жестокостью продолжал свою ужасную работу. Глаза его горели, грудь высоко вздымалась под тонким сукном бешмета. Папаха сдвинулась набок и обнажила круглую, как шар, бритую голову.

Несчастный орленок всеми силами старался вырваться из рук своего мучителя; он бился о камни и бессильно хлопал крыльями, еще не успевшими достаточно отрасти и окрепнуть, то испуская дикие крики, то жалобно пищая от боли. Все когти его были облиты кровью. Теперь Кази-Магома оставил их в покое, в достаточной мере изуродовав ноги птицы, и принялся выщипывать из ее крыльев перья, одно за другим.

Джемалэддин с глазами, полными слез, и с разрывающимся от жалости сердцем долго крепился. Он стыдился выказать чувствительность, неприличную горьку, вступившись за несчастную жертву, и в то же время душа его обливалась кровью при виде мучений орленка. Наконец, когда Кази-Магома, выхватив из-за пояса крошечную шашку, готовился выколоть птице ее круглые и странно вытаращенные на него глаза, Джемалэддин быстрее молнии выхватил из его рук орленка и далеко отбросил его на соседнюю скалу. Орленок, почувствовав себя на свободе, поспешил укрыться за выступом горы.

– Как смеешь ты... харамзада¹⁶ – начал было взбешенный Кази-Магома, со сжатыми кулаками подступая к брату, как вдруг отчаянные крики, внезапно раздавшиеся в стороне берега, заставили его сразу умолкнуть.

Со всех сторон к ним бежали женщины, вопя во весь голос:

– Гяуры! Гяуры!

Словно обезумевшая устремилась к детям Патимат и, быстро схватив обоих мальчиков за руки, стала спешно подниматься с ними по горной тропинке.

Вся толпа караваш, побросав кувшины, кинулась врассыпную за ними.

Одна только Фатима как была, так и осталась стоять на прежнем месте, прислонясь к громадному выступу утеса.

Она первая увидела черные точки, в изобилии покрывшие окрестные скалы и точно мухи облепившие их. Она знала, что это были за мухи. Такие же точки четыре года тому назад налетели тучею к Тилетлю и увели ее сына Гамзата за собою. Может быть, они уже убили его и пришли за новой жертвой... О проклятые, когда им будет конец?

Она медленно подняла свою смуглую руку и погрозила сжатым кулаком по направлению черных точек, облепивших скалы. Потом с мрачно горящим взором и застывшим в отчаянии лицом стала медленно подниматься по уступам в горы.

---

¹⁶ Бездельник.

Глава 3

Первые мюриды

Правоверные! Жители Дагестана! Настал час, когда для истинного мусульманина, желающего достигнуть райских блаженств, обещанных нам пророком, мало одних молитв, соблюдения постов, исполнения обрядов и добрых поступков: мечом и огнем должны мы отстаивать завещанные нам истины. Правоверные! По учению пророка, мусульманин не может быть ничьим рабом, не должен никому подчиняться. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство. И ради этой свободы и этого равенства мы обязаны бросить семейство, дом и не щадить самой жизни, как это начертано в нашей священной книге, коране!

Громко и грозно прозвучали слова эти в двадцатых годах XIX столетия на Кавказе, среди магометан горного Дагестана. Особая секта, возникшая среди горцев, в ауле Яраг, стала проповедовать необходимость огнем и мечом выступить в защиту основ учения Магомета – ислама от притеснителей. С кораном в руках, с возгласами о притеснении веры врагами ее они взывали к кровавым подвигам борьбы с христианами, появляясь в аулах и селениях мирных жителей и потрясая кинжалами, исступленными голосами кричали: «Смерть неверным!»

К этим проповедникам примыкали многочисленные последователи, и вскоре в Дагестанских горах образовались грозные полчища стремящихся к войне и набегам горцев, называвших себя мюридами, то есть идущими по правильному пути.

Но прежде чем стать мюридом, желающий должен был постом, молитвою и благочестивою жизнью усовершенствовать себя и подготовить к новому положению, а сверх всего этого – ознакомиться с бесчисленными правилами особого учения, которое называлось «тарикат».

Мюриды считали себя не простыми воинами, но борцами за веру, которые прибегали к мечу для того, чтобы достигнуть в будущей жизни всевозможных благ, и утверждали, что не набеги на иноверцев, с целью захвата земли и богатств, составляют их цель, а защита и распространение ислама. Новое учение предписывало строгое соблюдение разнородных обрядов, частых молитв, омовений, соблюдения постов. Избранные из среды мюридов ученые наставники – мюршиды¹⁷ устанавливали, какие именно молитвы должен творить вновь посвященный мюрид, какие дела должен он совершать, чтобы достигнуть блаженства и очищения души, проповедуемых тарикатом.

Сначала число мюридов было весьма ограничено и примкнувшие к ним жители Дагестана и Чечни – наездники и горцы – носили более скромное название таулинцев, то есть просто горцев,¹⁸ которые только после известного испытания получали право считать себя мюридами.

Все свое внимание мюриды и их наставники мюршиды направили против русских, успевших с 1800 года завоевать Закавказье, и решили во что бы то ни стало изгнать «неверных» из страны мусульман, какую они считали Дагестан и значительную часть Кавказа.

И многие тысячи горцев, частью добровольно, частью под давлением угроз, примкнули к новой секте и стали в ряды мюридов.

Началась длинная, многолетняя, упорная война русских с горцами. Русские всячески старались противостоять действиям мюридов. Они строили подле мирных аулов крепости, расставляли повсюду свои гарнизоны, сталкиваясь чуть не каждый день с горцами, мешавшими им своими набегами на каждом шагу. Но занятая в то время войною – сначала с Персией, а потом с Турцией, – Россия не могла принять действительных мер к уничтожению быстро

---

¹⁷ То есть указующие путь желающим.

¹⁸ От слова тау – гора.

развивающейся секты, тем более что борьба с отчаянными горцами среди неприступных скал Кавказа была упорная и трудная и требовала огромных жертв.

Между тем в селении Гимры появился среди мюридов проповедник, или газий, сумевший так воодушевить горцев своими речами и воззваниями, что они выбрали его имамом, то есть главным своим начальником, вождем и вместе с тем первым священником, главою всей секты, обещая во всем беспрекословно повиноваться его воле. Его звали Кази-Мулла.

– Мусульмане, – взывал он к своим единоверцам, – война, которую мы ведем, не простая война: это священная война за веру, и всех, кто прольет на ней свою кровь, поплатится жизнью, ожидают, по учению нашего пророка, райские блаженства в загробной жизни, а кто, как трус, откажется идти, с нами, того не минуют страшные мучения неугасающего адского пламени. Знайте это, мусульмане!.. Я, как имам ваш, как первый среди вас, как воин и слуга Аллаха, объявляю, что война, которую мы решили вести, – священная война – газават, и кто усомнится в этом, тот будет проклят на веки веков...

– Газават! Газават! – раздались исступленные голоса мюридов.

Собрав полчища горцев, даже из числа таких, которые изъявили уже покорность России, Кази-Мулла двинулся к Таркам (близ Петровска), где находились русские, и взял не только Тарки, но и всю окружающую их местность. Этот успех имама заставил стекаться со всех сторон под его начальство многие, не примкнувшие раньше к мюридам племени горцев; таким образом, скоро у него образовалось огромное скопище в шесть тысяч пехоты и две тысячи конницы, с которым неутомимый Кази-Мулла подступил к русской крепости Бурной. Гарнизон крепости состоял только из 516 человек. И все-таки полчища горцев не могли сломить мужества осажденных. Несколько раз войска имама бросались на штурм, но принуждены были отступить. Скоро на выручку к русским подоспел отряд генерала Коханова, и Кази-Мулла ушел в горы. Те же неудачи постигли горцев и под крепостью Внезапной, и под Дербентом, после чего Кази-Мулла ушел проповедовать газават в Чечню. Потом с новыми силами он неожиданно появился под Кизляром, разграбил его, угнал около 170 человек пленными, а сам укрепился в Чумкестене. Однако Чумкестен был взят русскими войсками, мюриды перебиты. Сам Кази-Мулла с племянником Гамзат-Бекем и любимым своим приверженцем, мюридом Шамилем, успел скрыться и снова укрепился в Гимрах. Но тут уже счастье изменило неутомимому фанатику-вождю. Вскоре Гимры были взяты бароном Розеном и его отрядом, а Кази-Мулла убит.

Первый имам Дагестана погиб, но учение его, плотно запавшее в души мусульман, все ярче и ярче разгоралось в горах. Кази-Мулле наследовал его племянник. Но Гамзат-Бек не более полутора лет властвовал над мюридами. Его убили аварцы, жители Хунзаха, столицы Аварии, за то, что он предательски загубил их ханов.

И вот на восточном небе ярко загорелась звезда нового имама, ближайшего мюрида и друга Кази-Муллы и Гамзата – сына бедного пастуха из селения Гимр, продававшего в детстве карагу,¹⁹ по имени Али, прозванного Шамилем. Одаренный от природы блестящими способностями, проницательным и изворотливым умом, необыкновенно твердым характером и непоколебимую волею, Шамиль, вступив в ряды мюридов, быстро сумел выдвинуться вперед.

Благочестие, суровый образ жизни и удивительное красноречие Шамиля привлекали к себе сердца горцев, а бесстрашие и мужество заставляли низко склоняться перед ним. Он был одним из самых набожных мюридов, целые дни и ночи проводил в молитве, знал все премудрости корана и в то же время не раз, в схватках с русскими, оказывал чудеса храбрости и мужества. Тело его было сплошь покрыто ранами от русских штыков. При жизни Кази-Муллы на него возлагали самые трудные поручения, и он всегда исполнял их с успехом. Никто не понимал так духа горцев, никто не умел так подчинять диких сынов Кавказа своей воле, как этот суровый, мужественный фанатик-мюрид. В одной уже его внешности, в пылающих глазах, в

---

¹⁹ Низший сорт персиков.

твердой походке, смелой, убедительной речи было что-то, что покоряло сердца окружающих его людей. И на освободившийся высокий пост вождя и верховного главы, после смерти Гамзата, мюриды единогласно выбрали Шамиля. Весть об этом избрании быстро разнеслась по горам и долинам Закавказья, и вся Чечня и Авария, все дикие племена Кавказа (значительная часть которых была уже покорена русскими) восстали и перешли на сторону нового имама.

– Газават! Газават! Идемте воевать за святую веру Магомета! – раздавалось повсюду, и горцы деятельно стали готовиться к предстоящей новой войне.

Тогда главнокомандующий русских войск на Кавказе, барон Розен, послал 5200 человек с 22 орудиями в Хунзах, где засели мюриды. Заняв столицу Аварии и укрепив ее, он пошел к селениям Ашильте и Ахульго, занятым горцами, штурмовал их и, наконец, подступил к Тилетлю, где лично укрепился имам с храбрейшими воинами.

Шамиль понял все свое бессилие перед силой русских и выслал одного из своих приближенных с выражением покорности, причем, в залог мира и в обеспечение того, что он, Шамиль, не будет больше воевать с мюридами, согласился передать в руки русских в качестве заложника, или аманата, юного своего племянника Гамзата, сына сестры Фатимы и малолетнего родственника Кибит-Магомы, своего ближайшего сподвижника.

Но раз задавшись намеченной целью, Шамиль уже не мог отступить от нее и только и мечтал что о новых подвигах газавата. Едва оправившись от нанесенных ему ударов, Шамиль сумел привлечь на свою сторону, то убеждением, то силой, новые полчища горцев, построил возле разрушенного аула Ахульго новый аул, – словом, приготовился к новым битвам. И спустя некоторый период времени вновь запылала священная война на Кавказе.

В этот раз русские войска, под начальством генерал-адъютанта Граббе, осадили сначала Аргуань и взяли ее. Потом, соединившись с отрядом генерала Головина, значительно увеличившим силу русского отряда, они подошли вторично к Ахульго, где укрепился Шамиль, и вторично осадили его, уничтожив по пути все аулы, занятые мюридами.

Глава 4

Нежданный гость Хаджи-Али

Мрачно и грозно высятся на недоступных твердых Дагестана два суровых и диких аула Ахульго. Громадными уступами и острыми утесами уходят в небо кавказские твердыни, все выше и выше, все дальше и дальше от зеленых низин в голубое царство, где плавают в светло-лазоревом эфире прозрачные облака да летают горные орлы, пернатые цари Дагестана. Значительно дальше и выше белых облаков теснятся серые громады голых, угрюмых каменных скал. А там, внизу, зияют бездны, непроницаемые и черные, как самая страшная, неведомая тайна, непостижимые и сурово-молчаливые, как смерть. Сотни мелких горных потоков низвергаются с диким ревом с уступов, пробивая себе путь среди обломков скал и валунов, туда, где ждет их с вечно неумолкаемым стоном пенящаяся и бурливая Койсу... Рыдает и мечется она, с бешеным шумом катя свои бурные воды, и нет конца этим стонам, грозно поднимающимся из глубины пропастей, а по соседству с нею притаилась темная Ашильда и поет не умолкая свою боевую песнь...

Кругом все мертво, глухо и угрюмо. Там, ниже к югу, зеленеют цветущие поля кукурузы и пшеницы, там прохладные рощи дубов, чинар и каштанов покрывают красивые склоны гор. А тут, вверху, один холодный, мертвый камень. Кое-где только виднеются кусты карагача, нетребовательного вскормленника горной теснины, да изредка лишь попадает цепкая, ползучая, похожая на плющ архань. Казалось, сама природа позаботилась о неприступности этого горного гнезда, но жители Ахульго, точно не доверяя ее защите, понастроили искусственные завалы, сложив целые груды камней на горных тропинках и взорвав порохом утесы, чтобы сделать совсем непроходимыми пути к вершине скалы, где приютился самый аул Ахульго.

Они давно ожидали незваных гостей – русских и теперь были готовы встретить их во всеоружии среди своих каменных недоступных высот. И незваные гости не замедлили явиться...

На окрестных скалах показались русские войска и быстро стали стягиваться к утесу... На правом берегу Койсу расположились два батальона Кабардинского полка, у переправы – две роты апшеронских стрелков. Всюду разъезжали бесстрашные казаки, выискивая более удобные позиции. О скором штурме нечего было и думать; первые же бомбы, брошенные в это горное гнездо, не причинили никакого вреда прочно выложенным из камня саклям. Надо было предварительно подготовиться к штурму.

И вот закипела работа. Делались завалы, взрывались порохом целые каменные глыбы на воздух и в искусственно устроенных в их трещинах ложементов засаживались стрелки.

Но и со стороны Ахульго не дремали. Шамиль позаботился укрепить свой грозный замок. В окружающих башнях засели мюриды, осыпая градом пуль слишком близко придвинувшихся к стенам твердыни храбрецов.

Особенно хорошо укреплена была Сурхаева башня – ближайшая и сильнейшая защита Ахульго. Около сотни самых отчаянных мюридов заперлись в ней, следя зоркими глазами за малейшим движением осаждающих.

Жаркий июньский полдень сменился вечером. Золотое светило, обливая кровавым пурпуром окрестные утесы, утонуло в бездне, позлатив своим предсмертным блеском серебряные волны пенящейся Койсу.

Свежий ветерок потянулся со дна ущелий, принося на своих воздушных крыльях откуда-то со стороны низин чуть уловимый аромат горных цветов, далеко-далеко цветущих от Ахульго...

Уже в русском лагере пробили зорю и дружные голоса солдат пропели вечернюю молитву, когда со стороны гор, прилегающих кряжем к укрепленным скалам, показался всадник на быстром горном скакуне. Он несся как вихрь стороною от русских позиций по самой крутой, почти

непроходимой дороге, прямо к берегу Койсу. Вот он ближе и ближе. Часовым уже хорошо видна его стройная, как бы слившаяся в одно с конем фигура, пригнувшаяся к луке, его серый бешмет, обшитый потемневшими от пыли галунами, черная папаха с малиновым верхом и загорелое молодое лицо с тонким хрящеватым носом и огненным взором пронзительно-острых глаз. Его приняли за мирного чеченца и подпустили на выстрел. Но когда он вместо того, чтобы ехать навстречу русскому разъезду, дал крутой поворот коню и, снабдив его здоровым ударом нагайки, помчался прямо к берегу, часовой поднял тревогу. Из палаток выскочили солдаты и дали залп по бесстрашному всаднику и его коню. Когда дым рассеялся, он уже был далеко, у самого берега Койсу. Только издали сверкали серебряные газыри на его бешмете да золоченая оправа заткнутых за пояс кинжалов и пистолетов.

Он уже далеко опередил русские позиции, как вдруг разом осадил коня и остановился. Что это? На том месте, где еще недавно был перекинут мост через Койсу, теперь зияет темная пропасть. Русские, очевидно, уничтожили его огнем своих орудий и прекратили проход в замок, чтобы никакая помощь не подоспела к осажденным...

Горец недолго простоял в раздумье. Раз... новый взмах нагайки – и благородное животное вместе с всадником прыгнуло прямо в ревущие воды Койсу.

Несколько минут он бешено борется с быстрым течением потока и, наконец осилив его, выскакивает на берег. Теперь уже оба они, и конь и всадник, вне опасности, уйдя далеко от неприятельских выстрелов... По горной тропинке, проложенной над адскою бездной, пробираются они все выше и выше, туда, в аул; вот они у сторожевой башни замка, вот въезжают на улицу аула, темную, узкую и кривую, как высохшее русло горного потока. По сторонам ее тесно лепятся сакли. Вот и дворец имама. Мимо него всадник проезжает шагом, с низко склоненной в знак почтения головой. Потом, минуя еще два-три домика, прилепленных к уступам, он останавливается у одного из них и, подъехав к порогу сакли, значительно возвысив голос, говорит:

– Да будет благословение Аллаха над этой кровлей!

В ту же минуту на пороге появляется мальчик лет одиннадцати и, подойдя к всаднику, почтительно приняв его стремя и поддерживая его, пока тот соскакивает с лошади, отвечает:

– Будь благословен твой приход, храбрый. Мой господин²⁰ и я приветствуем тебя!

– Ты сын Хаджи-Али? – с улыбкой спросил его гость.

– Ты угадал, господин: Асланом Хаджи-Али зовут меня.

И говоря это, он взял за повод коня вновь прибывшего и повел его под навес. В ту же минуту из сакли вышел почтенного вида горец с выкрашенной хиной в красный цвет бородой²¹ и произнес:

– Да будет благословен Аллахом твой приход, сын мой. Моя сакля к твоим услугам, я слуга твой, мои жена и дети – твои рабы. Входи и распоряжайся, потому что с гостями входят в дом благодать и ангелы Аллаха. Селям алейкюм.²²

– Алейкюм селям! – отвечал ему молодой горец. – Да оградит тебя и твоих Аллах от происков шайтана и сорока девяти его сестер.²³ Мир и довольство да продлятся над кровлей твоей!

И говоря это, он вошел в кунацкую в сопровождении хозяина дома.

Это была просторная комната, глиняный пол которой был выстлан мягкими циновками; на полках, вдоль стен, расставлена посуда и домашняя утварь в виде кувшинов, ковшиков, котлов и железных вертелов для жарения баранины. На почетном месте висело оружие – первое

---

²⁰ Отца и братьев младшие члены семейства горцев называют господином.

²¹ Все почтенные старики и старейшины-мюриды красили хиной бороды в красный цвет.

²² Приветствие: «Будь здоров. Здравствуй».

²³ Болезней.

богатство горцев. В углу находилась жаровня, в которой жители гор жгут хворост и солому. На перекладинах, протянутых от одной стены к другой, висели туши баранов и буйволов.

Хозяин и гость в молчании опустили на пол, на мягкие циновки.

Гость не начинал разговора из уважения к почтенному возрасту хозяина; хозяин, по горскому обычаю, не мог обнаруживать любопытства и расспрашивать о причине приезда гостя.

Наконец вновь прибывший заговорил первый:

– Я Гассан, сын бека-Джанаида из аула Дарго-Ведени, что за Андийским Койсу, в сердце гор. Когда страна наша выслала на помощь святейшему имаму лучших своих джигитов под знаменем храброго Ахверды-Магомы, наиба Хунзахского, я пошел вместе с ними. Ахверды-Магома и его отряды близко. Они горят желанием отбросить русских коршунов от гнезда орла и пролить свою кровь в священном газавате. Я ускакал вперед, прорвался через цепь русских, чтобы сказать имаму, что сердца его воинов жаждут сражения! – заключил он пылко.

Его лицо горело отвагой. Глаза метали пламя. Ноздри тонкого носа вздрагивали и трепетали. Он был дивно хорош и страшен в эту минуту.

Старик молча окинул взором всю статную фигуру юноши и чуть заметно ухмыльнулся в свою крашеную бороду. Ему – ближайшему другу и верному слуге имама – хорошо было знакомо это воодушевление. Он видел его не раз на лицах храбрейших из витязей Дагестана. И что же? Их львиная храбрость разбивалась о железную волю русских. Недавнее поражение мюридов под Аргуанью слишком живо запечатлелось в убеленной сединами голове Хаджи-Али.

Гассан-бек-Джанаида как бы угадал мысль своего хозяина. Брови его угрюмо сдвинулись. Взор вспыхнул.

– Не думаешь ли ты, отец мой, что в Аварии недостаток храбрых? – мрачно спросил он Хаджи-Али.

– Сын мой, – произнес тот с суровой ласковостью, – я вижу, что рука твоя тверда, как горная скала Дагестана, взор быстр и верен, как очи молодого орла. Будь больше таких витязей у имама – Тилетль и Аргуань не были бы взяты. В глазах твоих, юноша, я читаю, что кровь твоя кипит жаждою побед и славы. Не затем ли ты пришел сюда, чтобы упиться ими?

– Ты мудр, как змий, и сведущ, как алим, – отвечал ему гость, – а потому тебе должны быть известны мои помыслы. Мое сердце чисто, как хрустальная струя горного потока, моя мысль пряма, как дагестанский кинжал. Я пришел вкусить от источника сладчайшего: я хочу быть мюридом, хочу примкнуть к тем, кто сражается против гяуров-урусов и мечом распространяет славу пророка... Проклятые гяуры убили моего отца. Моя мать умерла с горя, оставив у меня на руках малолетнего брата. Я пылаю жаждою мщения урусам. Отныне канлы²⁴ и газават – основа и цель всей моей жизни!..

– Ты еще так молод, юноша, – положив ему руку на плечо, произнес Хаджи-Али, – а искушения велики. Чтобы быть мюридом, надо предаться Аллаху и позабыть себя. Подготовлен ли ты к этому, сын мой? Ведь для того, чтобы стать мюридом, недостаточно владеть мечом и уметь стрелять из винтовки. Нужно еще знать многие науки...

– Отец, – скромно отвечал Гассан, – я слышал и видел великого имама, когда очи его метали молнии, а из уст сыпались цветы.²⁵ И сердце мое предалось ему с той минуты. Я полюбил Шамиля, как только может любить черная ночь восточную звезду. И тогда же решил стать мюридом и заняться изучением тариката. Я прошел тефсир, хадис,²⁶ сияр и тавхид. Я не пропускал ни одного из заповеданных пророком намазов. Я исполнял фарызы²⁷ и полагаю, что я

---

²⁴ Кровавая месть. По обычаю горцев, не отомстить смертью за смерть считается позором.

²⁵ Молнии и цветы красноречия.

²⁶ История жизни Магомета и его войн.

²⁷ Требование религии.

достоин быть зачисленным в мюриды. О отец мой, ты друг и ближайший советник имама... Замолви перед ним слово за меня!..

– Фатиха!²⁸ – произнес ласково Хаджи-Али. – Я горжусь твоим поручением, сын мой, и готов услужить тебе. Молодость не может быть помехой храбрости. Имам, как великий мудрец, поймет это, и ты удостоишься посвящения, клянусь бородою пророка. А теперь ты устал с дороги и голоден. Я слышу, женщины идут сюда с пищею для нас. Подкрепи себя, сын мой, чтобы идти на гудекан²⁹ ожидать вместе с другими появления имама.

В ту же минуту на пороге сакли появились жена и дочери хозяина.

Одна из них несла огромные куски баранины, воткнутые на шампуры, другая – миску с дымящимся хинкалом³⁰ и блюдо чуреков³¹ из пшеницы и кукурузы, третья – большой кувшин, до краев наполненный бузою.³² Они приготовились уже ложиться спать, как маленький Аслан возвестил им о приезде гостя. Тогда они быстро зарезали молоденького барашка, развели мангал и приготовили на нем жирный шашлык.³³ Потом, надев свои лучшие чахланы и архалуки, понесли в кунацкую ужин.

По горскому обычаю, женщины не смеют садиться за еду в присутствии главы семейства. Они довольствуются скромною ролью караваш и прислуживают ему и гостям. И теперь, поставив ужин перед мужчинами, они скромно удалились на свою половину, отвесив сперва несколько поклонов приезжему юноше.

Хаджи-Али и Гассан принялись за еду.

---

²⁸ Кончено; быть сему; аминь.

²⁹ Площадь в ауле.

³⁰ Мучные клецки в воде, приправленные чесноком и перцем.

³¹ Пшеничные лепешки, заменяющие хлеб.

³² Питье – навар из солода, опьяняющее как вино.

³³ Кушанье из баранины.

Глава 5

Видения Шамиля

В гробовом молчании стоит большая толпа на площади аула. Впереди теснятся старейшины и наибы в красных чалмах, алимы, кадии и муллы в зеленых, мюриды – телохранители и храбрейшие фанатики-воины имама – в белых тюрбанах, с серебряными значками и гладкими кольцами на мизинцах.³⁴ На серебряных значках в виде полумесяца или четырехугольника – всевозможные надписи на арабском языке. Это ордена храбрых, которыми награждает своих воинов великий имам, Шамуиль-Эффенди-Амируль-Аминима, или просто Шамиль. На одном из таких орденов надпись: «Меч – ключ к раю». На другом: «Путь храбрейшему в рай». «Будь медлен к обиде, к отмщению скор», – гласит третья надпись.

Среди самых почтенных краснобородых наибов высится рослая фигура ближайшего сподвижника имама Кибит-Магомы Тилетльского. Четыре года тому назад он лишился своего наибства, лишился вместе с тем и любимого племянника, отданного в заложники русским, и всей казны. Но не это гложет наиба. Имам строг, но справедлив. Он умеет награждать храбрых. И наибство, и казна вернутся после первой же победы над русскими... Не о них мысли Кибита... Уруссы близко, уруссы здесь. Они осадили Ахульго и ждут только удобной минуты, чтобы приступить к штурму, а великий имам как будто и забыл об этом.

Что он медлит, Шамиль? Вот уж третьи сутки как заперся он в мечети, предаваясь молитве, заставляя терзаться неведением и сомнениями своих верных друзей, невзирая на залпы русских орудий, со всех сторон окруживших Ахульго.

Слышал ли эти залпы Шамиль, или молитвы к Аллаху слишком высоко занесли его мысли? Но, в таком случае, почему он не передаст начальство ему, Кибиту-Магоме? Ведь войско без вождя – стадо без пастыря! Чувствует ли это Шамиль?

Но Шамиль действительно далек от этих мыслей.

В то время как на площади народ ожидал в терпеливом смирении своего имама, внутри мечети, в глубокой четырехугольной яме, скорчившись на земляном полу, сидит человеческая фигура. Лампады, озаряющие стены мечети, сплошь покрытые письменами из корана и испещренные знаками полумесяца, не достигают, однако, до дна ямы, и там царит могильная темнота.

Изредка только руки человека, сухие и темные, поднимаются к лицу, и он шепчет над раскрытыми пред глазами ладонями особую молитву – зикру, и тело его при этом раскачивается из стороны в сторону. И чем скорее лепечет он слова молитвы, тем быстрее становятся круговые движения его худого, но сильного стана. Этим раскачиванием и лепетом великий имам старается вызвать к себе Пророка... Но на этот раз Пророк остается глух к мольбам своего верного слуги. Вот уже третьи сутки как Шамиль добровольно удалился в мечеть в надежде узреть Магомета и спросить его, за что он гневается на правоверных и посылает победу их врагам? Но ближайший слуга Аллаха не является к нему...

В изнеможении, изнуренный своим бесплодным качанием опускается Шамиль на земляной пол ямы и застывает в отчаянии, припав пылающим лицом к каменистой почве.

И в ту же минуту и купол мечети, и его добровольная тюрьма-яма – все исчезает из очей Шамиля. Им овладевает какое-то сладкое спокойствие. Мысли, похожие на грезы, навевают приятные сны или действительность, – он не знает даже точно, сны это или действительность, так давно все это было, о чем говорят его грезы. Какими необычайно странными кажутся ему они! Да и мысли, затуманенные долгим постом и молитвой, не так уже ясны и свежи, как прежде, и легко могут спутать действительность со сном.

---

³⁴ Признак принадлежности к мюридизму.

И грезится ему, что он – ныне великий имам и вождь газавата – не имам, не вождь и не Шамиль даже, а просто Али, маленький, бедный восьмилетний аварец Али, с бритой, как шар, головенкой и с умным, пронизательным взором больших черных глаз. Перед ним знойное небо его родины, зеленые пастбища и персиковые сады его родимых Гимр. Он стоит под навесом сакли перед своим отцом, потупив голову.

– Неси этот мешок с персиками на продажу, потому что в доме нет ни одного карапула³⁵ и матери не из чего сварить хинкала, – говорит пастух Дэнькоу-Магомет своему черноглазому сынишке.

Они бедны, очень бедны, потому что отец Али, уздень³⁶ аула Гимры, пьет не только бузу, но и вино, запрещенное кораном, за которое надо платить много пулов³⁷ заезжим торговцам.

Али не хочет идти продавать персики на базаре, когда в мечети, он знает, юные муталиммы³⁸ слушают почтенного ученого старца из ученых муршидов. Он, Али, тоже любит слушать умные речи старцев. Он еще слишком мал, Али, чтобы быть муталиммом, как его друг Кази и другие. Но Кази успел выучить своего младшего товарища многим толкованиям корана и арабским письменам. Сегодня после молебна муталиммы уйдут в горы, где Кази среди своих юных друзей будет говорить об учении Магомета. Кази еще очень молод, но он, волею Аллаха, уже мудр и красноречив. Али боготворит своего друга. Скажи ему Кази: «Умри!» – и он с радостью бросится на лезвие кинжала. И, вспомнив о Кази, Али бросает мешок с персиками, которые навязывал ему для продажи отец, и, сломя голову, несется в мечеть...

Это первое воспоминание сменяется иным, новым...

В убогой сакле на рваных циновках мечется в сильной горячке больной Али.

Уже мудрые знахари Гимр и его окрестностей приговорили его к смерти. Они неоднократно заходили в саклю Дэнькоу-Магомета, шептали над мальчиком наговоры и мазали его кровью барана, зарезанного в джуму.³⁹ Ничего не помогало. Маленького Али жжет адский огонь, и воспаленные очи его уже видят черное крыло ангела смерти – Азраила.

Уже красавица Баху-Меседу, мать мальчика, в приступе горя укутавшись чадрую, громко рыдает, склонившись над своим единственным ребенком. Правда, у нее остается еще дочь Фатима, но девочка не в счет: она не может прокормить семью и обессмертить свой род славой. Девочка вырастет и уйдет в дом мужа, лишь только найдется джигит, могущий внести за нее условленный калым.⁴⁰ Это не то что ее Али, ее горный сокол, на которого возложены все лучшие ее надежды.

И вдруг мысль Баху-Меседу прервалась, как нитка. Дверь сакли широко распахнулась и с обычным возгласом горцев «Да будет Аллах над вами!» на пороге предстал юный отрок с прекрасным, сурово-вдохновенным лицом.

– Хош-гяльды!⁴¹ – отвечала ему Баху убитым голосом. – Не радость увидишь ты в нашей сакле: мой сын умирает волею Аллаха, и ты скоро лишишься своего друга, юноша Кази!

Но черноглазый отрок молча качает головою. Несмотря на свои четырнадцать лет, он отлично знает все обычаи и верования страны. Знает и то, что, если переменить имя больному, вместе с оставленным именем уйдет и его болезнь. Он напоминает про это Баху, которой горе, казалось, выело память.

³⁵ Полкопейки.

³⁶ Гражданин, свободный человек.

³⁷ Денег.

³⁸ Духовные студенты; они же и помощники муллы.

³⁹ В пятницу, праздничный день у магометан, то же, что у нас воскресенье.

⁴⁰ Выкуп за невесту, который вносит родителям жених.

⁴¹ Милости просим.

И тотчас же, ободренный надеждой, Дэнькоу бежит за муллою, который переименовывает Али в Шамиля,⁴² и – о диво! – черный ангел смерти на самом деле оставляет его...

Новые воспоминания все дальше и дальше уносят имама от мрачной мечети и ее черной ямы.

Жаркий летний день месяца мухарема⁴³ сменился прохладным вечером. Солнце утонуло за Кавказским хребтом. Из долин и ущелий потянуло пряным и сладким ароматом горного цветка баятханы. Ночные цветы жадно раскрыли свои чашечки навстречу прохладному ветерку. Толпа юношей возвращается из леса к аулу. И он, Шамиль, среди них. Он уже не ребенок. Высок и гибок его стан не по летам. Стройные члены упруги и сильны, как у взрослого. Недаром он развивал эту силу постоянными упражнениями на шашках и кинжалах, искусством прыганья и джигитовки. Но, развивая свою физическую силу, он развивался и духовно в одно и то же время. Он ходил брать уроки у кадия Танусской мечети. Многому успел его выучить тот. Помимо арабских письмен и толкований корана и истории Магомета и двенадцати пророков он успел пройти и курс макадамата – грамматики, логики и риторики арабского языка. Даже книгу звезды, которую написали великие мудрецы, большую книгу в 12 отделов, он прочел под руководством того же неизменного Кази, своего друга и наставника, прочел, понял и научился истолковывать сам. Вот он, Кази, его учитель, идет впереди всех с высоко поднятой головой, с бледным лицом и сомкнутыми устами. А сейчас только из уст этих падали благоухающие розы красноречия. Там, в тени густолиственных чинар и дикого орешника, он перед обширным кругом слушателей говорил о сладости загробной жизни по учению Магомета, о высших блаженствах, ожидающих верных на том свете. А все они – и он, Шамиль, и друг его Хаджи-Али, и другие, – все жадно слушали юного газия, с сердцами, готовыми открыться для духовного блаженства.

Шамиль сильнее других воспринимает слова Кази. Голова его горит от них, мысль мечется в ней, как раненая птица. Сердце бьется так, точно хочет вырваться из груди. В его душе нарастает огромное, могучее стремление к совершенству и любовь к божеству... Постом и молитвой, помощью слабым и покорностью старшим он добьется его, этого совершенства, о котором гласит учение. И сейчас его охватывает непреодолимое желание выразить Аллаху свое стремление к нему. Что бы сделать такое? Чем бы доказать свою огромную любовь к Предвечному, которая теснит его грудь?

Мозг его кипит. Взор блуждает. И вдруг он видит огромный, выше роста человеческого валун, преградивший им дорогу. Быстрая, как молния, мысль прорезывает мозг Шамиля.

Он отходит в сторону, напрягает мышцы и, разбежавшись, с исступленным криком: «Ля-иллях-иль-Алла!» – перепрыгивает скалу, рискуя разбиться вдребезги об острые уступы ее или скатиться в пропасть. Кази и другие подходят к нему. Юный газий кладет ему на голову свою смуглую руку, и лицо его озаряется улыбкой. Шамиль замирает от блаженства, увидя эту улыбку: лучшей награды ему не надо...

Быстрее птицы несутся мысли имама, развертывая в его памяти все новые и новые картины.

Юноша Кази стал уже Кази-Муллою, первым газием-имамом горцев. Он, Шамиль, его любимый мюрид и приспешник.

Целый ряд набегов и сражений с ненавистными гяурами встает в его памяти... Счастье переменчиво. То русские осиливают их, то они урусов...

Пред ним снова родимые Гимры. Но это не прежний цветущий аул с его персиковыми садами и цветущими пастбищами. Гимры в огне. Развалины еще дымятся. Проклятые гяуры после долгой осады ворвались в селение и режут и бьют правоверных. Шамиль с двумя десят-

---

⁴² Самуила.

⁴³ Июль.

ками таких же, как он, преданных своему вождю мюридов в полуразрушенной сакле защищают имама.

Но вот гяуры врываются в саклю. Один из них пронзает своей шашкой Кази-Магому, другой кидается к Шамилю и штыком прокалывает ему грудь. Верный мюрид падает к ногам своего имама. Имам убит, но он, Шамиль, еще дышит. Оторвав кусок чохи и заткнув им окровавленную рану, он, терпеливо вынося адскую боль, дожидается ночи. Под темным покровом ее он отыскивает под грудью тел защитников труп своего владыки и, придав мертвецу положение молящегося, с каким избранные святые должны предстать на суд Аллаха, сам тихонько скрывается в горы, весь проникнутый тайной целью проповедовать неумолимый газават...

Но вот новое воспоминание прожигает огнем душу имама.

На площади аула Корода собралась большая толпа. Здесь и кадии, и муллы, и найбы, и простой народ – таулинцы. Недавно убили их второго имама, Гамзат-бека, и все они сошлись сюда, чтобы выбрать нового вождя.

Тут же в толпе мюридов, суровый и неумолимый, с пламенными очами и высоко поднятою головою стоит Шамиль. Его сердце не ищет ни брэнного тщеславия, ни почестей и славы. Вся его цель – служение Аллаху и распространение призыва к священной войне. Он стоит, ничуть не мысля о блестящей будущности, которая его ожидает. Он весь ушел в свою задумчивость, исполненный самых чистых помыслов. И вдруг слух его поражен странными возгласами толпы.

– Шамуил-Эффенди, сын Магомета-Дэнькоу, будь нашим вождем! – слышатся ему тихие одиночные голоса. Вот они громче, звучнее. Все новые и новые присоединяются к ним, и скоро вся тысячная толпа на гудекане слилась в одном диком реве:

– Шамуил, будь имамом! Веди нас!

Что это: греза или сон? Нет, не сон и не греза: его хотят, его просят. Ярким огнем загорается взор Шамиля. Стан выпрямляется. Он делает движение рукою и, когда толпа умолкает, говорит:

– Клянусь бородою Пророка, я не искал почести и славы. Как скромный раб Аллаха, я жажду одного: брызнуть священными струями потока учения Магомета в сердца ваши, наполнить головы ваши помыслами чистыми и вложить в руки ваши мечи во славу Аллаха. Но Аллах изрек устами вашими волю свою. Кысмет!⁴⁴ Будь по сему! Я, вновь избранный вождь ваш, взываю к вам: мусульмане, газават!⁴⁵

При этом последнем воспоминании легкий трепет охватил лежавшего на дне ямы имама. Все его тело свело судорогой. Мысль притупилась и померкла. Он поднялся и начал быстро шептать молитву, кружась как волчок на дне ямы.

Потом разом тело его конвульсивно вздрогнуло, вытянувшись на дне без признаков жизни.

Он увидел Пророка.

---

⁴⁴ Судьба, предопределение.

⁴⁵ Мусульмане, на священную войну!

Глава 6

Воля Аллаха. Новый мюрид

Солнце село. Из ущелий потянуло прохладой. Мулла показался на балкончике мечети и стал призывать правоверных к вечерней молитве. Скоро на востоке зажглась одинокая звезда Ориона, «Око Пророка», как ее называют мусульмане.

В русском лагере рожок горниста проиграл зорю, и стройные голоса солдат пропели вечернюю молитву. И точно в ответ им громкими звуками пронеслись по аулу возгласы: «Ля-иллях-иль-Алла!», повторяемые бессчетно толпою, все еще остававшейся на гудекане.

В эту минуту дверь мечети распахнулась, и на пороге ее показался человек. Он был высок, плечист и строен. Тонкий стан его был затянут белым бешметом. Плечи и спина покрыты наброшенной на плечи пурпуровой мантией. С белой чалмы, окутывавшей голову, спускался длинный конец, заканчивавшийся кистью. Худое и мертвенно-бледное лицо с тонкими чертами и сурово-строгим выражением заканчивалось рыжей, крашеной бородою. Оно не носило ни малейшего следа утомления, это гордое, дышащее суровостью и неумолимым фанатизмом лицо. Большие, острые, пронзительные очи горели неугасимым пламенем. Что-то властное и мощное, что-то царственное сверкало в них. Это и был Шамуил-Эффенди, духовный вождь и повелитель правоверных.

И все, находящиеся на площади, – и алимы, и старейшины, и наибы, и кадии, – все низко склонились перед ним. Двое из присутствующих, Кибит-Магома, бывший наиб Тилетльский, и ученый алим Ташау-Хаджи, почтительно приблизились к имаму и взяли его под руки. Поддерживаемый ими, Шамиль поднялся на уступ скалы, находившейся на площади, и начал твердым, сильным голосом, обращаясь к народу:

– Ля-иллях-иль-Алла, Магомет-россуль-Алла! Имя вечному Адн! Народы Дагестана, внимайте! Волю Единого возвещаю я вам. Аллах велик и могуществен! От милости Его созданы царства. Народам Чечни и Дагестана даны горы, прочим долины и низовья рек. Мы построили наши сакли, завели цветущие кутаны и поселились в наших аулах во имя Аллаха, слава Имя Его. Но народ Гога и Магога⁴⁶ решил завладеть нами, превратить наши пастбища в пустыни, наши аулы в груды пепла и развалин. Неверные силою хотят применить к нам учение Иссy,⁴⁷ который отменяет священные, завещанные нам нашими предками канлы и учит забывать обиды и зло. Наши враги хотят заставить нас, как рабов, работать на себя... Но этому не бывать. Наибы, алимы, абреки, мюриды и вы, таулинцы, Алла-сахла-сын!⁴⁸ Волю Аллаха возвещаю вам: три дня и три ночи пробыл я в мечети, испрашивая, за что прогневался на нас Вечный, наказав поражением недоступной доселе Аргуани, и Аллах смилостивился над своим недостойным слугою и послал мне Пророка. Он явился мне во всем могуществе райского блеска. Но я не смел взглянуть на него. Из уст его пылало пламя, и грозные очи кололи, как два острых клинка. Гром и молния были в грозных чертах его. Ему сопутствовал Зейнал-Аби-дин,⁴⁹ который и оповестил мне волю Могучего и причину его гнева. Старейшины и народ, внимайте! Аллах гневается на нас, потому что Ему известно, что среди нас, мюридов, есть такие, которые не исполняют должных обрядов, молитв, постов и омовений, не исполняют волю Пророка и предписаний тариката. И за их грехи должны страдать все. Но лишь только

---

⁴⁶ По убеждению горцев, всю землю Аллах разделил надвое Кавказским хребтом и по ту сторону хребта живут народы Гога и Магога, вражеское племя.

⁴⁷ Иисуса Христа.

⁴⁸ Да сохранит вас Аллах.

⁴⁹ Самый ближайший святой у Пророка.

позорная казнь совершится над грешными, победа будет наша. Так решил Пророк! Валла-билла!⁵⁰ Иншаллах!⁵¹

– Иншаллах! – эхом отозвалась толпа на слова своего имама.

В это время из толпы выдвинулся человек в чалме, с жестким взором. Это был татель⁵² Самит. Его называли очами и ушами имама, так как через него Шамиль знал обо всем, что происходило среди мюридов. Ему же была дана неограниченная власть обличать того или другого мюрида, будь он знатный наиб или простой таулинец.

– Мой верный Самит, – произнес Шамиль, кладя руку на плечо тателя, – тебе поручаю отыскать виновных послушников Пророка и доставить их как можно скорее на суд. Проступок нарушения веры в дни газавата требует жестокого, немедленного возмездия. Такова воля Пророка.

Самит молча склонился пред имамом.

И не одно сердце мюрида дрогнуло в это мгновение. Они знали, что словам Самита, будь они клевета или правда, поверит имам и названному им преступнику пощады не будет.

Лишь только Шамиль знаком отпустил Самита, мюриды выстроились по обе стороны улицы, образуя живые шпалеры от мечети до дома имама, и громко запели священный гимн газавата, начинающийся неизменным: «Ля-иллях-иль-Алла!» Шамиль двинулся между этими двумя живыми стенами, поддерживаемый с двух сторон ближайшими из своих наибов.

Но вот внезапное смятение произошло в рядах его свиты. Кто-то метнулся навстречу шествию и распростерся на земле у ног имама.

Ближайшие мюриды бросились к упавшему и, подняв его, поставили перед лицом Шамиля. В ту же минуту из толпы их выдвинулся старик Хаджи-Али и сказал, указывая на незнакомца:

– Великий имам! Этот юноша – Гассан-бек-Джанаида, уроженец аула Дарго-Ведени, он джигит из отрядов храброго Ахверда-Магомы. Он жаждал узреть тебя, великий имам, и с этой целью прорвался сквозь цепь русских и прискакал в аул. Сердце его чисто, как струя потока, и душа его жаждет блаженства вечного.

– Встань, юноша, и скажи, в чем твоя просьба? – ласково обратился к Гассану Шамиль.

– Святейший имам, – произнес тот, вперя восторженный взор в лицо своего повелителя. – Моя просьба дерзкая, я хочу многого, и, быть может, за мою дерзость я заслуживаю смерти: святейший имам, я хочу быть мюридом!

– В твоем желании, юноша, нет преступления, – ответил Шамиль. – Напротив, великий Пророк сочувствует всем, кто желает стать в ряды борцов газавата. Но ты слишком молод, юноша, и вряд ли успел пройти все необходимое для вступления на путь блаженства!

– Великий имам! Да сияет твое имя золотой звездой над небом Дагестана... Молодость моя не послужит помехой моему благочестию. Я готов поклясться на коране, что все установленные испытания пройдены мною. Мой учитель, Даргыйский кадий, подтвердит тебе это. Цель моя – драться в твоих отрядах на священном газавате и отомстить урусам! Прими меня, имам!

Искренностью и горячим порывом веяло от речей юноши, а черные глаза его так и сверкали решимостью умереть по одному знаку имама.

Глядя на него, невольно припомнилось Шамилю время, когда он стремился к тому же, к чему стремится теперь этот юный горец. И долгим, пронзительным взглядом окинул он юношу.

Твои слова дышат храбростью, – произнес имам ласково. – Ступай в мечеть, где проведешь ночь в уединении и молитве, а с зарею мулла свершит твое посвящение.

---

⁵⁰ Клятва.

⁵¹ Да будет так.

⁵² Наблюдающий за религиозным поведением мюридов и докладывающий обо всем имаму.

И, ласково кивнув головою, Шамиль снова двинулся в путь, оставив Гассана с сердцем, преисполненным восторга и трепета.

Глава 7

Гарай! Гарай!⁵³

Плачет джианури...⁵⁴ рыдает сааз...⁵⁵ Красавица Патимат разбросала по плечам свои черные кудри и тихо напевает родные гимринские песни, быстро перебирая струны мелодичного джианури. Ей вторит одна из служанок на звучном, как песня соловья, саазе. Повелитель и муж Патимат, Шамиль, ушел на совещание и вернется домой лишь с зарею. А то бы не сдобровать им... Песни, музыка и пляска строжайше запрещены в имамском дворце вообще, а в дни газавата особенно.

Но что ей газават, когда она молода и жаждет радости и счастья. Пускай целые дни от зари до зари слышатся залпы пушечных выстрелов. Тщетно ведь обстреливают русские Сурхавеу башню и другие. Патимат знает, как прочно выложены камнем Ахульгские твердыни, как смелы и храбры мюриды, засевшие в них!.. Не взять русским ни Сурхавеу башни, ни Ахульго, и она может спать спокойно, как под крылом ангела Джабраила.⁵⁶ Зачем же тревожиться ей и грустить, как Фатима, которая день и ночь плачет о своем Гамзате. Слава Аллаху, с нею ее мальчишки, и Кази-Магома, и алый цвет ее сердца – красавчик Джемалэддин. Вон сидит она, Фатима, в углу со своей грудной Гюльмой, и глаза ее горят, как у волчицы... У нее всегда так горят глаза, когда она смотрит на Джемалэдина. Можно думать, что она завидует доле ее, Патимат... Не желает ли она ему участи Гамзата? Нет, нет, у каждого своя судьба, предназначенная Аллахом!

Но вот замолкла песня... С унылым звоном падает джианури на мягкие ковры сераля. Следом за ним умолкает и звенящий сааз... Служанка вносит целое блюдо сладкой алвы.⁵⁷ Другая зажигает чирахи⁵⁸ в глиняных плошках... За ними бегут Джемалэддин и Кази-Магома. Они уже отведали вкусного лакомства, потому что губы их стали слаще меда и они поминутно обтирают липкие пальцы о полы бешметов.

– Аллаверди!⁵⁹ – говорит им мать и улыбается обоим сразу, но глаза ее, помимо воли, останавливаются с большею лаской и нежностью на лице старшего сына, уплетающего за обе щеки сладкую, тающую во рту алву.

– Сегодня урусы два раза кидались на штурм, – говорит он, усиленно работая зубами. – Да что толку? Отбили их наши. Слышишь, снова палят они!

Действительно, новый залп пушек громовым ударом пронесся по горам и замер где-то вдали, несколько раз повторенный эхом. Точно горный шайтан обменялся приветствиями с черными джинами бездн и ущелий.

– Сегодня на совещании старики говорили, что сардар хочет идти на Ахверды-Магому к высотам, – неожиданно вмешивается в разговор Кази-Магома. – Наши их допекли. Говорят, из гор спешат новые наши отряды. Вот бы пробиться им сюда! Небось много бы отправили тогда в ад неверных...

И маленькие глазки его хищно сверкают как у голодного волчонка.

– Мать, спой мне песню, – просит Джемалэддин, поднимая упавшую на пол джианури и заглядывая в лицо Патимат просящими глазами.

⁵³ Тревога.

⁵⁴ Род трехструнной гитары.

⁵⁵ Музыкальный инструмент горцев.

⁵⁶ Архангел Гавриил, особенно почитаемый горцами.

⁵⁷ Кукурузных пряников.

⁵⁸ Нефтяные фитили, которые горят в плошках, наполненных бараньим салом.

⁵⁹ На здоровье.

Той уже теперь не до песен. Залпы все усиливаются и усиливаются с каждой минутой, несмотря на подступающую темноту ночи. В промежутках между ними слышатся дикие крики горцев и пение их священного гимна. Нет больше сомнений: там, внизу, у башни идет рукопашный бой. Там штурмуют Сурхай ненавистные урусы. «Аллах великий, помоги джигитам!» – шепчет она набожно. Потом разом хватает джианури и, чтобы отвлечь внимание детей от боевого шума, живо настраивает его и поет во весь голос:

В ущелье над утесом горным
В ауле спит моя семья...
Прощайте все. С конем проворным
С зарей уйду к джигитам я!

Мы полетим в набег кровавый,
Врага трусливого спугнем,
Покроем имя громкой славой
Иль, пораженные, умрем.

Отец мой уздень был могучий,
Убит гяуром старший брат...
Мы налетим на русских тучей,
Великий славя газават...

Топот нескольких коней и крики, огласившие узкую улицу аула, внезапно прервали песню Патимат. Дверь быстро распахнулась, и старуха Баху, мать Шамиля, поспешно вошла в саклю.

– Не вовремя расчирикалась, ласточка, – сурово нахмурившись, проворчала она. – Урусы взяли Сурхай. Будь они прокляты!

Кази-Магома дико взвизгнул, услышав слова бабушки, и зарылся головой в чахлан матери. Он весь трясся от страха. Джемалэддин вздрогнул точно конь, впервые испробовавший нагайки, и ринулся к двери.

– Куда, куда, орленок? – кричали ему в один голос мать, тетка и бабушка. Но он и внимания не обратил на их крики... Ему во что бы то ни стало надо было узнать истину. Надо было узнать – впрямь ли взяли русские башню?.. Вся кровь его кипела. Если правду сказала бабушка, то дело плохо. Сурхай – ворота Ахульго. Возьмут Сурхай – возьмут Ахульго. Надо торопиться... Он сегодня же отточит шашку и заложит в газыри новые патроны... Потом встанет у дверей сакли и скажет матери:

– Не бойся, ласточка, я защищу тебя!

Да, он защитит ее, бабушку и Кази! Он старший в роде! На его обязанности лежит это.

А может быть, все – одна неправда? Бабушка Баху туга на ухо, и все это могло легко послышаться ей. Ложный страх, и ничего больше!

Сердечко мальчика шибко-шибко бьется в груди. Ему не за себя страшно, нет. Боязнь за мать, за ее участь наполняет все мысли Джемалэддина. Не помня себя, бежит он на площадь по узкой, кривой улице. Аллах великий, сколько народу собралось уже там! Вон и Хажди-Али, и старик Джэддин, их воспитатель, и Кибит-Магома, и все наибы и старейшины. Что, если они увидят здесь его – Джемалэддина? Дети имама не смеют показываться среди народа... Достанется ему от отца!

Быстро юркает за спины взрослых крошечная фигурка малыша, для большей предосторожности нахлобучившего на самые глаза папаху... В сгустившихся сумерках вечера едва ли можно заметить его. Зато он сам все видит, все замечает.

Вот выходит из мечети его отец и бывшие с ним на совещании алимы.

В эту самую минуту из толпы выезжает только что прибывший из Сурхая мюрид, быстро спешивается и подходит к имаму. Джемалэддин знает его. Это – Гассан, вновь посвященный в мюриды. Еще недавно повелитель отправил его в Сурхаеву башню в подмогу остальным. Из груди Гассана сочится кровь. Он ранен в плечо, и рука его безжизненно болтается вдоль стана.

– Великий имам, – говорит он глухим голосом, – клянусь кораном, мы, твои верные слуги, храбро бились, отстаивая башню. Но к урусам подходили все новые и новые воины, их было много, как звезд на небе... а нас, твоих верных мюридов, лишь горсть; они все перебиты гяурами, лишь я один успел прорваться сюда, чтобы возвестить тебе горе: башня взята.

– Проклятие гяурам! – грозно пронесся над толпой мощный голос имама. – Гнев Аллаха тяготееет над нами! Заслуженная кара постигла нас... Где Самит? Исполнил ли ты повеление и найдены ли преступившие законы веры?

В одну минуту из толпы вынырнул Самит.

– Один преступник найден, повелитель, и ждет приговора! – произнес он, почтительно склонясь пред имамом.

Толпа расступилась, и Джемалэддин увидел связанного по рукам человека, выступившего вперед, с трудом волочащего скованные ноги. О бок с ним шел палач в черной тряпке в виде чалмы, обматывающей папаху, и с обнаженной секирой в руке.

Мирза⁶⁰ имама обратился с речью к народу, в которой пояснил вину подсудимого: он не молился Аллаху, не совершал обязательных омовений, не исполнял всех правил поста и молитвы, которые предписаны учением тариката. Самит все это узнал точно, и виновный даже не оспаривает своей вины.

– Что заслужил виновный? – раздался среди гробового молчания голос Шамяля.

– Смерти! – раздался дружный ответ.

– Смерти! – громче других кричали мюриды.

– Смерти! – в тон им вторили старейшины. Приговоренный стоял бледный как мертвец, и губы его чуть слышно шептали:

– Аман! Аман!⁶¹

– Для грешников, не исполняющих законов веры, нет пощады, – грозно прогремел голос Шамяля. – Ин-шаллах,⁶² – и он сделал знак палачу.

Тот взмахнул кинжалом, и обезглавленный мюрид упал к ногам своего убийцы.

– Именем Аллаха, исполнено! – как один человек, произнесли все.

Из мечети выбежали муталимы и, покрыв обезглавленное тело, скрылись с ним из виду, чтобы сжечь мертвеца на костре.

Теперь, когда кара постигла виновного, победа над гяурами была обеспечена и народ мог спокойно разойтись по домам.

Последней с площади скрылась маленькая фигурка. По лицу Джемалэдына катились слезы, в то время как он торопливо пробирался к сералю по улицам аула.

Его сердце сжималось жалостью к казненному, и впечатлительную детскую душу грызла тоска.

---

⁶⁰ Секретарь.

⁶¹ Пощады! Пощады!

⁶² Быть по сему.

Глава 8

Осада длится. Под кровом восточной ночи

С той минуты, как Фатима Хазбулат заметила появление русских на высотах, прошло более двух месяцев. Успешно добивались своей цели русские войска. Осадные работы были окончены. Оставалось приступить к штурму. За эти два месяца немало урону потерпели они. В самом начале осады огромные скопища Ахвер-ды-Магомы, вызванные на помощь имаму, были оттеснены генералом Лабинцевым назад в горы. Но к Ахверды-Магоме подоспели новые полчища горцев, и он настойчивее стал тревожить с тыла русский отряд, всячески мешая ему производить осадные работы под стенами замка. Тогда генерал Граббе двинулся на горцев со всеми своими батальонами, чтобы дать решительный отпор деятельному помощнику имама. Осажденные воспользовались его уходом, сделали вылазку и перерезали саперов, производивших окопные работы.

Вернувшись под Ахульго, генерал Граббе обратил все внимание на Сурхаеву башню, из которой особенно допекали пули засевших в ней мюридов, и взял ее приступом, предварительно разрушив ядрами стены. По взятии Сурхаевской твердыни на помощь русским подоспели еще три свежих батальона Ширванского полка под начальством полковника барона Врангеля, с четырьмя горными орудиями. Теперь под стенами Ахульго собралось тринадцать батальонов и тридцать орудий. С этими силами граф Граббе решил двинуть войска на решительный штурм.

16 июля 1839 года русские бросились на завалы и ворвались в передние укрепления со всех сторон, не обращая внимания на тучи пуль защитников. Мюриды не выдержали и дрогнули перед дружным натиском врага. Но в эту минуту по рядам русских пронеслась ужасная весть: полковник барон Врангель тяжело ранен. Храбрецы-ширванцы, боготворившие своего командира, пришли в смятение. Этим воспользовались горцы, ударили на осаждающих, и первый штурм Ахульго был отбит.

Только по прошествии месяца можно было помыслить о новом штурме. Наши солдатики с неутомимой энергией принялись исправлять завалы, рыть окопы и возводить новые укрепления, готовясь исполнить все к назначенному дню.

И вот наконец этот день наступил.

17 августа был назначен второй штурм Ахульго.

* * *

Темная и жуткая, как бездна, кавказская ночь тихо подкралась к природе и раскинула над нею свой траурный полог. Русский лагерь, теперь уже вплотную придвинутый к самым утесам Ахульго, как бы замер, придавленный мглою. Только изредка раздается лязг ружья часового, нечаянно ударившего дулом о каменистый грунт почвы, да где-то внизу, под землею, изредка раздаются глухие удары железных кирок. Такие же точно удары слышны, когда копают могилу... Впрочем, это и есть могила, в которой, может быть, суждено погибнуть не одной человеческой жизни. Завтра эта могила будет готова. Неутомимые саперы проложили своими лопатами длинный подземный ход от берега Койсу к громадному уступу, с которого удобнее всего начать штурм твердыни. Этот штурм назначен с зарею. До зари должны быть закончены подземные работы; вот почему целую ночь напролет стучат лопаты и кирки в подземелье и глухие подземные удары едва внятно будят тишину.

Чутко прислушивается к ним, этим ударам, молодой офицер первого Куринского батальона, стоя неподалеку от своей палатки и вперив глаза в беспросветную темноту ночи.

Его зовут Борисом Владимировичем Зарубиным. Несмотря на свою молодость, он уже отличенный герой. Белый Георгиевский крестик смутно белеет на его груди. Сам главнокомандующий, барон Розен, повесил ему этот крестик за взятие Гимр, когда Зарубин, еще будучи совсем юным поручиком, влетел вместе со своим взводом удальцов-куринцев на бруствер башни, защищаемой отчаяннейшими мюридами. Тогда же он получил и чин штабс-капитана. А теперь, по прошествии семи лет, он, капитан и командир одной из рот первого батальона, пришел вместе с отрядом генерала Граббе брать Ахульго.

Его считают храбрым, примерным офицером, и он на отличном счету у начальства. Самые трудные поручения даются ему, потому что в главной квартире знают, что капитан Зарубин выйдет из них со славой и честью. Вот и теперь, при завтрашнем штурме, генерал-майор Пулло, по указанию графа, предложил Зарубину с его ротой войти в состав удальцов-охотников, вызвавшихся с зарею проникнуть подземным ходом под стены замка. Поручение опасно. От него веет смертью. Наскоро вырытый проход может обрушиться и заживо погresti под собою весь батальон охотников. А там, впереди, еще большая опасность. Фанатики-мюриды дорого продадут свою жизнь. Они дерутся как львы, не считая врага, и в каком-то диком исступлении кидаются на русских. Это достойный неприятель. Он, Зарубин, убедился в этом давно: у них полное пренебрежение к смерти и безумная отчаянность во всем. Они точно ищут гибели, смело кидаясь в русские ряды. Еще бы! Погибших в газавате ожидает неземное блаженство, и смерть – лучшая награда храбрецам! Таков девиз этих безумцев. Борис Владимирович успел их узнать отлично. Постоянно участвуя в делах против горцев, он не только изучил их обычаи и природу, но сумел довольно основательно познакомиться и с их языком.

Он не мог не уважать их за храбрость и удивлялся им. Да, это страшный враг, не приведи Бог подобного! И завтра он встретится с ним лицом к лицу.

До сих пор никогда еще сердце молодого офицера не трепетало при мысли об опасности, а теперь, этою ночью, что-то больно и остро саднит его. Это не страх, нет! Сколько раз приходилось Зарубину сталкиваться лицом к лицу со смертью; на плече его большой шрам – след чеченского удара, полученного им под Гимрами; он не боится смерти... Он готов ко всему. А между тем сердце его болит сегодня, и он знает причину этой боли.

Вчера к ним на передовые позиции примчался казак с «летучкой»⁶³ к командиру. В переметной сумке у него было несколько писем к офицерам от их семейств, воспользовавшихся оказией. И на его долю нашлось письмо от жены, из Тифлиса, где она жила с двумя детьми: семилетним Мишей и трехлетней Леной.

Ее письмо дышало лаской и заботами о нем. В конце письма посылала свое благословение и привет детей.

О, эти дети! Все сердце его обливалось кровью, когда он оставлял их, уходя с полком... Голубоглазый, жизнерадостный, всегда веселый, живой и улыбающийся Миша и немножко меланхоличная, задумчивая и поэтичная Леночка с худеньким и болезненным личиком крепко отца целовали перед последним походом. Он как сейчас видит их милые головки, слышит их звонкие, нежные голоса. Ах, если бы увидеть их снова! И зачем жена прислала ему это письмо перед самым штурмом! Ему тяжело будет умирать с ним на груди! Жизнь кажется такой прекрасной и так тяжело расставаться с нею, когда чувствуешь всю нежность и ласку ближних! Одному, бобылем, легче умирать. Никого не оставишь сиротами и не обездолишь... Он поднял голову к темному небу... И там стояла непроглядная мгла, как и здесь, внизу. Борису Владимировичу стало невыносимо тяжело от этого мертвящего душу мрака. Нестерпимо захотелось услышать человеческий голос, почувствовать вблизи себя живое существо. Он тихо позвал:

– Потапыч!

---

⁶³ Донесение.

Из-за белого полога палатки выглянула фигура денщика, старого, испытанного боевого солдата. Потапыч и по сию минуту не бросил бы строевой службы, если бы чеченские раны, обильно покрывавшие его старое тело, не давали себя знать.

Он неслышно приблизился к офицеру и тихо произнес недовольно-ворчливым и в то же время добрым, ласковым голосом:

– И чего не спите, спрашивается? (Между Потапычем, обожавшим своего барина, у которого он служил около восьми лет, и Зарубиным установились дружеские, далеко не дисциплинные отношения), шли бы спать, ваше благородие! Перед штурмом-то выспаться как следует не мешает. Ведь дело не легкое поди: с самим Шумилкой схватиться, може, придется. Так вы бы того, на боковую. А? Я вам и чайку с ромом оставил, холодненького. Крепче от него соснете!

Голос старого денщика звучал необычайной нежностью и заботой. Видно было, что благополучие своего барина и его судьбу он ставит выше всего.

– Ладно! Ладно! Лягу, Потапыч, – отвечал ему Зарубин. – Не ворчи... О ребятах задумался... Что-то они?..

– Чего они! Так же по земле ходят, как и мы с вами. Небось не вверх ногами. Что им у матери под крылышком делается? Лизавета Ивановна и приголубит их, и укроет от всего дурного. Вам хуже... – снова недовольно заворчал тот.

– А как ты думаешь, возьмем мы Ахульго, старик? – внезапно прервал его вопросом Зарубин.

– Беспременно, – радостно оживляясь, без малейшей паузы, залпом выпалил Потапыч, – что бы им, таким, как его превосходительство Пуле⁶⁴ да полковник Циклауров, да не взять? Помогите им, Господи! Да за такими господами наша братия хошь в самый ад пойдет! И то сказать: хороши наши молодцы-куринцы. Знал главнокомандующий, кого во главе штурма поставить... Небось возьмем!.. Гимры взяли, Тилетль взяли, Аргуань тоже... и это возьмем. Как Бог свят! Еще Шумилку гололобного накроем... Во как! Длинный хвост ему прищемим; небось еще яману заклянчит! Он, ваше благородие, только издали храбер... И морды эти евоныя...

– Мюриды! – поправил денщика Зарубин.

– Ладно, и за морды сойдут, не велики птицы! – произнес тот ворчливо.

– Ну не скажи! Мюриды храбрые воины, и в битве они хоть куда! А вот ты мне что сделай, Потапыч, – вдруг неожиданно перевел Борис Владимирович разговор на другую тему, и голос его дрогнул затаенной тревогой, – если меня убьют (долго ли до греха), ты мне Богом побожись, старик, что семьи моей не оставишь. Мишу Елизавете Ивановне поможешь вырастить и таким же верным царским слугою его сделаете, каким был отец. Чтобы он, Миша, ради царя и родины жизни своей не шадил – слышишь?

– Слышу-то слышу, – совсем уже сердито отозвался в темноте не совсем твердый голос Потапыча, – только что толку-то с того, что слышу? Потому все брехня это одна, ваше высокоблагородие... сущая брехня, и только! Ишь ведь, умирать вздумали! Гляди-кось, на завтра второго Егория нацепите... А вы смерть! Убьют! Да где же это видано?.. Да что же это?.. Да я...

Голос старика внезапно дрогнул и оборвался. Тихое, чуть заметное всхлипывание послышалось подле Зарубина. Не то ручей улькал, не то плакал кто-то.

«Славный он, верный, добрый! – догадавшись о происхождении этих звуков, произнес мысленно офицер. – С таким, как он, и умирать не страшно. Вырастит Мишу и храбрецом сделает... Истинный друг...»

– Ну, старина, пойдем! – добавил он вслух. – Обнял бы тебя, да в темноте не вижу. И то правда. Выспаться перед штурмом не мешает. Идем!

И он решительно двинулся к палатке, сопровождаемый своим верным Потапычем.

⁶⁴ Пулло.

Глава 9

На штурм

Медленно занялась заря на востоке и, раскинувшись по небу, розовым пятном нежного румянца обдала скалы. Но не всем суждено было увидеть эту красавицу зарю.

Первый батальон Куринского полка под начальством генерал-майора Пулло и подполковника Циклаурова еще далеко до рассвета спустился в подземелье, законченное саперами этой ночью. Впереди своей роты, четко отбивающей подошвами такт по каменистой почве, энергично шагает капитан Зарубин. Он славно выспался за ночь благодаря заботам Потапыча, и ночной его тревоги как не бывало. Напротив того, какая-то необычайная бодрость охватывает теперь Бориса Владимировича. Сердце его полно уверенности в успехе дела, полно уверенности и в себе, и в своих.

«Возьмем Ахульго. Во что бы то ни стало возьмем, – настойчиво и упорно выстукивает оно. – А там конец походу, и опять в Тифлис, к ним, дорогим, милым: жене, Леночке, Мише. О, сколько новых рассказов и разговоров будет у них про гололобого Шумилку, как называет величественного имама Потапыч... Славный этот Потапыч! Верный, преданный, любящий...»

А они разве не славные, – обрывает сам свою мысль Зарубин, напряженно вглядываясь в темноту и стараясь разглядеть в ней родные его сердцу лица солдат. – Молодцы, богатыри они! Беспрекословно идут туда, где многих из них ждет верная смерть... И при этом полная готовность умереть за веру и царя...» Зарубин видел, как они сотнями погибали под меткими винтовками и штыками мюридов. И теперь идут победить или помереть.

Темнота, царящая в подземелье, мешает видеть ему эти добрые, загорелые, бесхитростные лица, но ему и не надо их видеть: он их чувствует сердцем, они как бы сроднились с его душой, вросли в нее.

Чу! Что это такое? Внезапный шум... Легкий стон... И все стихло. Это камень оторвался с отвеса и насмерть придавил кого-то своей тяжестью.

– Ермоленку пришибло! – слышится подле Зарубина трепещущий голос.

– Пришибло! Ермоленку!

Он знал хорошо этого Ермоленку. Такой бравый и лихой был солдат. Ловко отплясывал трепака на бивуаках и со смехом хвалился товарищам забрать в полон самого Шумилку. А теперь его пришибло шальным камнем и лежит он в темном подземелье, разом успокоенный и примиренный со своей судьбой. Одного пришибло, а другие идут. Стройно идут, поодиночке, гуськом, ощупью намечая дорогу.

Зловещая тишина царит над этой черной могилой, заживо поглотившей их. С обеих сторон плотные каменистые стены, грозящие ежеминутно обрушиться и придавить их своею тяжестью, как только что придавили Ермоленку. Он, Зарубин, нащупывает холодные камни руками. О, как ужасен этот каменный гроб... Скорее бы на воздух, к солнцу! Пусть даже неминуемая смерть ждет их там, у выхода подземной галереи, лишь бы смерть на воле, на земле, под открытым небом, а не в этом каменном мешке, безмолвном и страшном.

И судьба точно подслушивает это тайное желание Зарубина, и не одного только Зарубина, а всех этих смельчаков, жертвующих жизнью.

Что-то блеснуло вдали. Какая-то яркая, ослепительная точка заискрилась впереди них. Это небо, это солнце, это воля! Ура! Еще немного, и они у цели. Черная галерея осталась далеко позади. Впереди желанный уступ... Быстро прилаживаются лестницы, и молодцы-куринцы бесстрашно карабкаются на него.

– Братцы, вперед! – слышится звучный голос Пулло. – За мной!

Он во главе отряда, с шашкой наголо, с револьвером в руке. Вот он уже на утесе впереди своего батальона. И вмиг, разом со всех сторон посыпался на них свинцовый дождь. Голые

скалы словно оживились, точно по мановению волшебного жезла. В одну минуту утесы и глыбы – все покрылось чеченцами.

И из каждого уступа выглядывала или черная папаха, или белая чалма мюрида и торчало узкое дуло винтовки... Их дикое «Алла! Алла!» слилось в один сплошной рев.

– За мной, братцы! За мной! – слышится среди грома и треска выстрелов громкий призыв подполковника Циклаурова. И, с шашкой наголо, он первый лезет на ближайший утес, где засела густая толпа Шамилевых воинов. Град пуль и камней сыплют они на головы осаждающих, но ничего уже не может удержать смельчаков.

Могучее «Ура!» мигом заглушает чеченское «Алла!». Вот отброшены винтовки... Горские кинжалы звякнули о русские штыки... Лязг стали, стоны и крики сменили недавние выстрелы винтовок. Кипит, усиливаясь с каждой минутой, страшный, могучий штыковой бой. Зарубин во главе своей роты храбро и метко отражает удары и в то же время лезет все выше и выше по горным уступам, шашкой прокладывая себе путь. Куринцы первые приняли боевое крещение. Но теперь не одни куринцы очутились на горных уступах, ведущих к аулу. Со всех сторон поднимались к Ахульго другие такие же русские удалцы. С берега апшеронцы строят взводную колонну, осыпаемые со всех сторон меткими пулями неприятелей. Вон с противоположной им стороны саперы втаскивают туры и фашины и наскоро устраивают ложементы – и все это под дружным натиском Шамилевых мюридов, – в то же время отражая лютого врага.

Целый ад стоит вокруг Ахульго. Каждый уступ берется с бою. Страшная, немилосердная резня на утесах заливает кровью каменный грунт. Десятками валяются тела убитых, десятками же поглощает их Койсу, окрашивая пурпуром свои седые волны. Груды тел осаждающих и осажденных покрывают скаты и уклоны гор. Груда тел скатывается в Койсу и, не достигнув ее, обратившись в окровавленную массу, расплывается на площадках и выступах. Отчаянные стоны раненых, шум скатываемых камней и лязг скрестившихся сабель – все это покрывается голосами обезумевших, озверевших в схватке мюридов, с гимном газавата бросающихся в бой. Люди, уже не разбирая, режут и колят наудачу, не видя в лицо врага от застилающего их глаза кровавого тумана. Мюриды дорого продают свою жизнь.

Вот с одним из них схватился Зарубин. Глаза его налиты кровью. Зубы бешено стиснуты. Глаза мечут искры...

– Алла! Алла! – лепечет он хриплым голосом и заносит свою короткую шашку над головой русского саиба. Борис Владимирович вовремя отклоняется от удара, взмахивает саблей, и в ту же минуту голова в белой чалме, отделившаяся от тела, летит в бездну.

А перед ним уже новый враг... Точно из-под земли вырос. Совсем еще молодое лицо сурово и строго, с пламенно-горящим взором... А на мизинце блестит гладкое кольцо – значок мюридов. Это Гассан-бек-Джанаида.

– Ля-иллях-иль-Алла! – выкрикивает он и кидается на Зарубина...

Борис Владимирович шашкой выбивает кинжал, разом обезоружив молодого мюрида.

В эту минуту чей-то яростный крик заставляет его обернуться. Наиб в красной чалме заносит над ним свою кривую саблю.

«Смерть!» – вихрем проносится в мозг Зарубина, и перед его глазами, как живой, предстает его белокурый Миша...

Жажда жизни охватывает Бориса Владимировича: жить, во что бы то ни стало жить, ради его жены, детей, Миши!.. Не помня себя, он выхватывает револьвер и в упор стреляет в голову наиба.

Красная чалма как-то странно виснет набок, вслед за тем вовсе исчезает из его глаз.

Ее снова заменяет молодой мюрид... В его руках уже сверкает клинок кинжала, который он успел поднять тем временем...

– Смерть гяурам! Вечная слава имаму! – кричит он и в ту же минуту валится, оглушенный ружейным прикладом какого-то солдата.

Зарубину некогда благодарить своего спасителя, некогда даже взглянуть – кто он.
Вокруг него все сильнее и жарче разгорается битва... Все грознее закипает она.
И вдруг громовое «Ура!» слышится над его головою.

Это куринцы успели подняться к самому аулу... К ним спешат остальные.
– Алла! Алла! – перекрикивая их, воют мюриды.

И новые массы, нахлынув на русских, оттесняют их снова назад к уступам.

А там высоко у самых стен замка, где строятся новые ряды, стройный всадник весь в белом, на белом же коне, в зеленой чалме с кистью появляется среди защитников замка. Над ним веет черное знамя с серебряною вязью из арабских письмен.

Лишь только он показался, как туча русских пуль направилась в его сторону. Но белого всадника не пугают русские пули. Он точно заговорен, этот белый всадник, и не судьба ему, верному слуге Аллаха, погибнуть теперь. Он необходим здесь, на земле, в священные дни газавата. Бесстрашно появляется он всюду, где кипит битва, и громким голосом ободряет своих воинов, суля райское блаженство убитым.

Этот белый всадник не кто иной, как вождь правоверных, сам имам – Амируль-Муминина-Шамиль.

Глава 10

Юный защитник. Женщина-джигит

Слуги верные Аллаха,
Меч священный обнажите,
И во славу газавата
В битве головы сложите.

У Зейнула Аббедина
Ключ к воротам священным рая...
Там блаженство ждет убитых...
Вас зову я, заклинаю.

Вы, защитники корана,
Слуги верные Аллаха,
Окажите помощь вашу
И примите смерть без страха.

Ждет Пророк в раю вас, храбрых,
Сам Аллах следит за битвой...
На гяура киньтесь смело,
Смело – с верой и молитвой!

Грозно разносятся по аулу слова великого гимна газавата... Смело идут умирать под звуки его все новые новые ряды мюридов... Шамиль уже выпустил под стены Ахульго своих лучших воинов, красу и цвет своего рыцарства. Кибит-Магома Тилетльский, Ахверды-Магома Хунзахский, успевший прорваться со своими скопищами в осажденный замок, дерутся как львы, наравне с простыми воинами, у последних завалов Ахульго. Но им уже не удержать орлиного полета русских удалцов; они взвились на высоты и теперь, того и гляди, прорвутся грозным потоком на улицы аула. Шамилевские наибы: Магомет Худанат-оглы и Гамат-бек-Магомет Гоцатльские, Юнус Черкеевский и Зирар-Али Шагадийский ведут в битву мюридов, спеша выстроить преграду из живой их стены, чтобы закрыть вход в аул...

Грозно распевают они священный гимн газавата.

Этот гимн похоронными звуками отдается на женской половине дворца имама.

Там все полно смятения и паники. Женщины мечутся с рыданием, посылая тысячи проклятий на головы гяуров. Старуха Баху-Меседу, совершенно обезумев, как белка в колесе, носится из угла в угол, спешно увязывая в громадные бурдюки все, что есть ценное во дворце Шамиля.

Кази-Магома воет как затравленный волчонок, уткнувшись носом в угол и зажимая себе уши, чтобы не слышать шума битвы.

Бледная и трепещущая Патимат сидит на циновке, – вся олицетворение отчаяния и горя.

У ног ее поместился Джемалэддин и, не отрываясь, смотрит на дверь. Он готов каждую минуту кинуться к порогу, чтобы защищать женщин.

Бедный ребенок понимает, что не его слабыми ручонками разить храбрых гяуров, но он готов умереть с кинжалом в руке, защищая мать.

Одна Фатима спокойна. На руках у нее Гюльма, ее годовалая дочь. Она машинально качает дитя, в то время как напряженное ухо прислушивается к тому, что делается снаружи.

А там, за порогом сераля, – ад. Рев битвы не умолкает ни на минуту. Вот слышнее и слышнее звучит гимн газавата. Явственнее долетают дикие крики, лязг оружия и какой-то странный топот бесчисленных пар ног.

И вдруг крики «Алла! Алла!» слились с незнакомыми, дикими криками на непонятном ей, Фатиме, языке.

– Астафюр-Алла!⁶⁵ Русские в ауле! Мы погибли! – слышится ей исполненный ужаса голос ее невестки.

Что-то непонятное творится на улице. Стоны и крики слышатся близко, совсем уже близко от сераля... Дикие вопли одних и бешеные возгласы других смутным гулом повисли над аулом... Сомнений нет – гяуры ворвались в него.

Джемалэддин быстро вскакивает со своего места и в два прыжка достигает двери.

– Не бойся, мать, я защищу тебя! – кричит он напряженно-звонким детским голосом и, быстро выхватив из-за пояса кинжал, взмахивает им... – О, пусть только осмелятся гяуры переступить порог!

Глаза его горят как звезды на восточном небе. Отвагой и беззаветным мужеством дышит прекрасное лицо. Он словно вырос в одну минуту... Возмужал точно... О, он готов умереть сейчас за свою единственную! Пусть не боится она; его шашка пронзит первого гяура, который осмелится войти в сераль!

А крики и стоны все слышнее и слышнее.

Патимат быстро сорвала кинжалы, висевшие на стенках, и раздала их женщинам... О, лучше, во сто раз лучше умереть смертью самоубийцы, нежели попасть в руки гяуров, их врагов!..

А вокруг нее мечутся и стонут женщины, воеет не своим голосом Кази-Магома, пищит от страха проснувшаяся на руках Фатимы малютка-дочь, и он, ее азис, ее горный сокол, стоит прекрасный, как ангел Джабраил, с пылающим взором и обнаженным кинжалом в руке.

– О мой Джемалэддин! Мы погибаем! Повелитель в пылу битвы позабыл о нас! – со стоном срывается из уст несчастной, и она, бросившись к сыну, обнимает его...

Страшный стук в дверь заставляет их всех вскрикнуть и переглянуться.

Бледное лицо Джемалэдина принимает решительное и суровое выражение, как у взрослого... Белые как жемчужины зубы вонзаются в нижнюю губу. Одной рукой он размахивает кинжалом, другой обнял мать. Его глаза сыплют потоки искр... Он готов к бою, готов к смерти...

Под напором сильной руки широко распахивается дверь сераля.

Слава Предвечному, это не враг! Это Гассан.

С него сбита чалма; страшные кровоподтеки, след удара, пересекают лоб. Одежда его закапана кровью. Лицо бледно как смерть, глаза горят.

– Великий имам и повелитель – едва в силах произнести он глухим голосом, – приказывает вам перейти потайным ходом в Старый замок. Я проведу вас туда. Гяуры ворвались. Мы отступаем.

Дикий крик, вырвавшийся при этих словах из груди одной из женщин, заставил вздрогнуть всех остальных.

– Отступают! Мюриды отступают! – безумно сверкая глазами, истушенно прокричала Фатима. – Хорам! Хорам! – и, взмахнув своим коротким кинжалом, с малюткой Гюльмой на руках, она кинулась за порог сакли.

Гассан сказал правду. Мюриды отступали от стен вовнутрь аула, оставляя сотни тел на узких улицах Ахульго... Русские шли по пятам за ними, штыками и саблями прокладывая себе путь в самое сердце замка. Самые храбрые из наивов потеряли голову. Они неслись во весь

⁶⁵ Помилуй, Боже!

опор к тому месту, где, руководя битвой, находился Шамиль. Они хотели убедить имама, что нужно сдаться.

И вдруг над отступающими в беспорядке всадниками и над разрозненными в битве рядами пеших воинов послышался звучный и сильный голос:

– Возьмите наши прялки и отдайте нам ваши кинжалы. Пустите нас в битву, а сами садитесь за пряжу вместо нас. Мы, женщины, научим вас сражаться и умирать во славу Аллаха. Или вы глупые мыши, что испугались горсти врагов, идущих в вашу же западню?.. Вы, смелые из смелых, стыдитесь! Не вы ли клялись на коране забыть дорогу назад? Не вы ли ищете вечного блаженства в раю Аллаха? Или вы не воины, витязи газавата, что пятитесь, как трусливые чекалки, от врага!.. Вы, бывшие храбрецы, вспомните вашу славу! Гордые орлы и смелые коршуны превратились в трусливых зайцев! Так смотрите же, трусы, как будет сражаться горная орлица за свое гнездо...

Отступающие мюриды подняли головы и невольно приостановились, недоумевая.

На утесе, размахивая одною рукою, стояла Фатима с отброшенной с головы чадрой, с развеянными волосами вокруг стана, с обнаженным кинжалом в смуглой руке. Она прижимала к груди Гюльму и махала оружием, готовая пронзить каждого, подошедшего к ней.

– Жена Хазбулата права! – громко вскричал один из наибов. – Вперед, джигиты! Мы покажем смелой орлице, что могучие орлы еще не вывелись под небом Дагестана!

И вся отступившая было толпа снова ринулась в бой.

– Нашим женщинам не придется краснеть за своих мужей и братьев, – иступленно кричали мюриды и бросались с новым приливом бешенства на русские штыки.

А Фатима все стояла на скале, торжествующая и смелая, с высоко поднятым над головою кинжалом. Она ждала только минуты броситься наравне с воинами в тесные ряды осаждающих, чтобы отстоять родное гнездо или... погибнуть под их штыками славной смертью. Вокруг нее кипела битва, свистели пули, звенели сабли и слышался стон. Но она была глуха ко всему окружающему. Перед мысленными взорами женщины стоял ее сын, находящийся заложником у русских, – Гамзат, измученный, окровавленный, убитый... Теперь она уже не сомневалась больше, что ненавистные гяуры справились с ним. Все ее сердце закипало мщением... Взоры иступленно следили за ходом битвы. Каждый новый пораженный русский доставлял ей невыразимое наслаждение и дикий восторг.

– Канлы! Канлы! – зывала она страшным голосом, вся олицетворение возмездия и ярости.

Вдруг шальная пуля просвистела в воздухе и вонзилась с быстротою молнии в сердце Фатимы. Без единого стога скользнула она с утеса в пропасть, прямо в пенящиеся и плачущие волны Койсу, не выпуская Гюльмы из рук.

Ее судьба свершилась. Она обрела покой.

Несмотря на последний дружный натиск воодушевленных Фатимой воинов, ничто не могло спасти Ахульго. После двенадцати часов боя Шамиль понял это и поспешил выкинуть белый флаг.

Быстро собрался в мечети новый совет из числа самых близких приближенных советников имама. В чем состоял он, никто не знал в ауле.

Но когда имам вышел по окончании его к народу, глаза его зловеще пылали, а побледневшее лицо было уныло и мрачно, как ночь.

Глава 11

Пророчество Фатимы сбывается

В большой прочной сакле Старого Ахульго, исполненные смертельного страха, сидят женщины. Гассан и трое самых верных мюридов охраняют вход в нее. Патимат, старая Баху-Меседу, оба мальчика и служанки сбились в угол и с бледными лицами прислушиваются к тому, что происходит за стеною.

Слава Аллаху! Шум битвы стихает. Крики, доносящиеся сюда, становятся все слабее, тише – и воцаряется тишина.

И вдруг и горы, и бездны, и самое небо, казалось, дрогнули от могучего крика...

Вздрыгнула и Патимат и трепещущими руками охватила обоих сыновей.

– Что это? – прошептали ее помертвевшие губы.

– Или ты не знаешь? – сурово отвечает бабушка Баху-Меседу. – Это победный клик гяуров. Он и в ликовании своем говорит про смерть.⁶⁶ Слава Аллаху, конец битвы настал и мы можем уснуть эту ночь спокойно... Должно быть, на минарете уже взвился белый флаг! Оттого они и ликуют.

– Велик Аллах! – набожно произнесла Патимат. – Он не допустил черного Азраила тронуть нас своим холодным крылом. Ложитесь спать, дети! Битва смолкла... до утра.

Мальчики не заставили мать повторять приглашение и, свершив обычный намаз, в одну минуту растянулись на мягких циновках и сладко уснули.

Станный и дивный сон снится Джемалэддину. Снится ему, точно он не сын могучего имама правоверных, не наследник его власти, а маленький черный орленок, такой же бессильный и юный, как тот, которого замучил два месяца тому назад его брат, Кази-Магома... И живет он не в сакле сераля, а в большом гнезде, высоко-высоко, под самыми облаками. Его мать, горная орлица, всячески лелеет его, и учит летать, и добывает ему корм в окрестных горах... Ему весело и любо парить над безднами, порхать в синем эфире, купаться в молочных белых облаках. Он так счастлив, так беспечно-весел на своих небесных вышинах... Однажды, в один ясный весенний день, когда впервые дикие азалии и розы зацвели в ущельях и зашептали чинары у подножия гор, – его мать в смертельном страхе прилетела в гнездо, откуда отправилась было за кормом.

– Смерть! Смерть! – прокричала она, указывая куда-то клювом.

Он выглянул из гнезда и ужаснулся. Прямо на них неслась черная туча... Какой-то зловеющий шелест стоял в воздухе... Шелест от тысячи могучих крыльев. Вот она ближе и ближе, роковая туча... Теперь уже можно различить отдельные очертания крылатых существ, окруживших со всех сторон могучим роем их утес. Это ястребы, их злейшие враги. Вот они уже совсем близко, рядом... Еще минута... другая, – и со всех сторон зловещие птицы окружают гнездо. Его мать мечется и бьется, испуская дикие крики, угрожающе машет крыльями и вытягивает клюв, защищая своего птенца. Но все напрасно: врагов целая туча, а она только одна...

И вот они уже пробираются к гнезду... Вот двое из них бросаются на него и, подхватив на свои могучие крылья, с быстротою молнии взвиваются с ним над бездной...

Ледяной ужас сковывает члены Джемалэддина. Дикий крик вырывается из его груди, и, весь обливаясь холодным потом, он открывает испуганные глаза.

Ни гор... ни бездны... ни орлицы... ни ястребов... Солнце блещет. Ночь минула. Но что это? Их сакля наполнена народом. Тут и важнейшие наибы, и вожди, и дядя Хазбулат, и бесстрашный Кибит, и Ахверды-Магома, и мудрец Джемалэддин, воспитатель его и брата.

---

⁶⁶ Русское «ура» напоминает горское «ур», то есть бей, убивай.

А впереди отец... О, как мрачно горят его глаза... как мертвенно-бледно печальное лицо!
И наибы стоят, безмолвно потупясь в землю. Как сурово-угрюмы их мужественные лица!

А где же его мать?

Неужели это бьющееся у ног имама существо, эта стонущая и рыдающая без конца женщина – она, его веселая, ласковая красавица-мать? О чем она молит имама, покрывая слезами и поцелуями его ноги? О чем рыдает она?

Каким-то непонятым тяжелым предчувствием сжалось детское сердечко Джемалэдина. Он быстро вскочил на ноги и подошел к отцу.

– Благословен твой приход, повелитель, – почтительно целуя его руку, произнес он.

Что-то дрогнуло в лице имама. Точно быстрая зарница промелькнула по суровым чертам, и оно дивно осветилось печальной улыбкой.

Он ласково положил руку на бритую головку сына и еще раз улыбнулся ему. И снова сердце ребенка болезненно сжалось тем же неясным предчувствием. Он оглянулся в смятении на окружающих его старейшин, желая прочесть по глазам их, зачем явились в этот ранний час в сераль, куда никогда не входил никто, кроме ближайших родственников семьи имама. Но обычно ласковые с ним, они теперь потупляют глаза, точно умышленно избегая его пытливого взора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.